

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

По легенде, чудотворный крест апостола Петра состоял из четырех драгоценных камней, каждый из которых обладал волшебными свойствами. После ограбления Рима варварами сокровище исчезло, но, по легенде, тот, кто сумеет собрать все камни вместе, получит неограниченную власть над миром...

**Наталья АЛЕКСАНДРОВА**

## Магический камень апостола Петра



Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

**Магический камень  
апостола Петра**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Александрова Н. Н.**

Магический камень апостола Петра / Н. Н. Александрова —  
«Эксмо», 2015 — (Артефакт & Детектив)

Долгое время в древнем храме хранился драгоценный камень «Заря Востока», по легенде это был золотой опал из креста самого апостола Петра. Сокровище много раз пытались украсть, но камень всегда чудом возвращался. Однажды он пропал окончательно, и его следы появились в холодной северной стране... Случайная встреча в кафе с бывшей однокурсницей Алисой Журавлевой, которая теперь стала женой бизнесмена Канарского и проживала ни много ни мало на Лазурном Берегу, добавила в жизнь только вздохнувшей с облегчением после истории с сапфиром «Сердце Запада» Агате Иволгиной драйва. Дома у Алисы Агата обнаружила труп ее мужа и автоматически стала свидетелем по делу о его убийстве. А ведь Алиса знала, что незадолго до своей смерти Канарский купил очень древний драгоценный камень...  
Продолжение романа Натальи Александровой «Таинственный сапфир апостола Петра»

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2015  
© Эксмо, 2015

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

# Наталья Александрова

## Магический камень апостола Петра

© Александрова Н.Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

\* \* \*

– Куда ты завел нас, старик? – Мезигий, вождь аваров, подъехал к проводнику и ткнул его в спину черенком копья. – Здесь нет никакой дороги! Ты нарочно завел нас сюда!

– Не сердчай, добрый господин, дорога будет! Я сотни раз прогонял здесь коз! – залепетал одноглазый старик, который вызвался проводить аварский отряд к берегу моря. – Погоди немного, господин, солнце не успеет подняться высоко, как ты увидишь море!

– Смотри у меня, старик! С предателями у меня разговор короткий! – пригрозил Мезигий проводнику и ударил пятками свою мохнатую коренастую лошадь.

Тропа, по которой авары двигались с самого рассвета, привела их в горное ущелье, такое узкое, что два всадника не могли ехать рядом. Мезигий, родившийся в просторной степи, чувствовал себя здесь неуютно. Он то и дело оглядывался назад или вскидывал голову к крутым скалам, стиснувшими тропу с обеих сторон. Длинные волосы знатного авара были заплетены в косу, на голове красовался испанский медный шлем с черным орлиным пером.

После удачного похода в Италию Мезигий со своим отрядом двигался на Восток, он хотел поступить на службу к византийскому базилевсу, который хорошо платил наемникам. К его отряду присоединилось немало славных воинов из числа герулов, лангобардов, везиготов и других германских племен.

Мезигий нагнал молодого германского воина Герузия и вполголоса сказал ему:

– Смотри в оба, парень. Не нравится мне этот проводник. Да и само это место не нравится. Здесь обитают иллирийцы, они многочисленны, как речной песок, и дерутся, как настоящие дьяволы. Становись в конец колонны и держи свой меч наготове.

Немногословный германец кивнул, придержал свою лошадь и дождался, пока отряд прошел мимо него. Тогда он закинул щит за спину и двинулся вперед, быстрым взглядом окидывая сужающиеся стены ущелья, над которыми голубела узкая полоска выцветшего неба.

Под одеждой он чувствовал прикосновение заветного кожаного кисета, в котором хранилось его самое большое сокровище, один из тех драгоценных камней, которые он с друзьями-германцами нашел в Вечном городе Рима...

И тут где-то наверху, в этой блеклой синеве, прокричала хриплым голосом какая-то птица.

И словно в ответ на этот крик сверху полетели камни.

– За мной! – крикнул Мезигий и погнал своего коня к нависшей над тропой скале, на ходу натягивая лук.

Под этой скалой камни не причиняли воинам вреда, но здесь мог поместиться не весь отряд. Герузий остался снаружи, он соскочил с коня и метался, с трудом уворачиваясь от падающих сверху обломков. Он искал глазами проводника, но того и след простыл.

Германец с трудом увернулся от огромного камня, прижался спиной к скале – и тут наконец увидел врага.

Невысокие, широкоплечие, крепкие иллирийцы с длинными темными волосами сползали со скал, размахивая своими короткими кривыми мечами, издавая устрашающие вопли, похо-

жие на клетот хищных птиц. Их было так много... казалось, сами горы порождают их, к ужасу беспечных пришельцев.

Авары, увидев противника, оживились и выступили из своего укрытия, оцетинившись копьями.

Герузий перекинул щит через левое плечо и метнулся вперед, размахивая мечом. Мимо то и дело со свистом пролетали длинные иллирийские стрелы с двойным наконечником, но германец не был пока ранен. Он увидел прямо перед собой иллирийского воина в увенчанном перьями шлеме, бросился на него, замахнулся мечом. Иллириец отбил его удар своим кривым мечом, сделал ответный выпад. Германец ударил еще раз с такой силой, что меч выпал из руки его противника и отлетел в сторону. Тогда Герузий снова взмахнул своим мечом и вонзил его лезвие в грудь иллирийца. Тот покачнулся и упал на колени, а затем ничком свалился на горячую каменистую землю.

И тут другой, не замеченный Герузием иллириец ударил его по голове тяжелой палицей. В голове зашумело, Герузий покачнулся и упал, как подрубленный дуб.

Впрочем, скоро он пришел в себя.

Он лежал на земле, над ним склонились несколько иллирийцев, они разглядывали его и переговаривались на своем языке, похожем на птичий клетот. По выражению их лиц германец понял, что враги решают его судьбу. Один из них то и дело хватался за кривой меч – видно, хотел немедленно прикончить германца, другие возражали, наверное, доказывали, что за такого крепкого раба на невольничьем рынке в Рагузе неплохо заплатят. Герузий попытался подняться, чтобы встретить смерть как подобает воину, – но руки и ноги его были крепко связаны кожаными ремнями.

Тут один из иллирийцев склонился над ним, обшарил его одежду.

Герузий напрягся, но он ничего не мог поделать – и иллириец нашел заветный кисет.

Распустив тесемки кожаного мешочка, иллириец вытряхнул на ладонь камень...

Словно маленькое солнце вспыхнуло на его руке, разбросав по уцелью золотые лучи. Иллириец побледнел, уронил камень, упал на колени, в страхе уставившись на Герузию, и так, на коленях, отполз к своим товарищам, громко клекоча на своем птичьем языке. И остальные тоже закричали, замахали руками, попадали на колени.

Через минуту вокруг столпилась вся шайка иллирийцев, они кричали по-своему, показывая то на камень, то на германца.

Наконец вперед вышел один из них, самый старший, и заговорил на языке римлян, хорошо знакомом Герузию:

– Прости нас, могущественный господин! Мы не знали, с кем имеем дело, иначе не подняли бы руку на посланца Живого Бога. Прости нас и не таи зла. Мы не сделаем тебе ничего плохого. Не обрушивай на нас тяжесть своего гнева.

Он опустился на колени рядом с Герузием, перерезал ремни на его руках и ногах и отступил к своим соплеменникам. Иллирийцы отступили, пятясь, и через минуту исчезли, словно горный склон поглотил их.

Герузий поднялся, удивленно оглядываясь.

Чуть в стороне от него лежали несколько мертвых тел – авары и иллирийцы вперемешку. Остальных его спутников не было видно, должно быть, Мезигий с боем вырвался из уцелья. Германец поднял камень, убрал его обратно в кисет и спрятал на груди.

Он вспомнил тот далекий день, когда они, четверо германцев, нашли в римском подземелье мертвого старца, на груди которого лежал золотой крест с четырьмя драгоценными камнями. Старый римлянин, который против своей воли привел их в то подземелье, прежде чем погибнуть, сказал, что тот старец был великим святым, учеником и посланцем нового

Бога. Германцы не придали большого значения его словам, они извлекли камни из креста и поделили их между собой<sup>1</sup>.

*И вот сейчас этот камень спас Герузию жизнь и свободу... должно быть, тот старец и впрямь был великий человек!*

*Герузий не привык подолгу задумываться.*

*Он поправил свою одежду, перекинул щит за спину и зашагал вперед – его коня нигде не было.*

*Солнце еще не успело зайти, когда он вышел из ущелья и увидел впереди отряд Мезигия.*

*Вождь аваров, увидев германца, удивленно поднял брови:*

*– Как тебе удалось вырваться от этих дьяволов? Я был уверен, что ты погиб!*

*– Я и сам так думал, – ответил германец, – на меня упал какой-то здоровенный иллириец, он заслонил меня от смертельного удара, а потом, когда дьяволы ушли, я выбрался из-под его трупа.*

*Герузию совсем не хотелось рассказывать, что на самом деле произошло в ущелье.*

– Лот двенадцатый! – важно провозгласил аукционист. – Средневековый золотой кубок, украшенный чеканкой и подлинным драгоценным камнем! Начальная цена – восемьсот тысяч евро!

В зале поднялся шум – многие пришли на аукцион именно из-за этого кубка, вокруг которого было столько слухов и разговоров. Впрочем, как и положено на таких солидных мероприятиях, шум был тоже солидный, сдержанный. Агния оглядела зал и увидела в двух концах поднятые программки.

– Господин в пятом ряду – восемьсот пятьдесят... – промурлыкал довольный аукционист, – дама в восьмом ряду – девятьсот... кто предложит больше?

Он поднял молоток, но господин в пятом ряду – худощавый элегантный брюнет лет пятидесяти – снова поднял программку.

– Господин в пятом ряду – девятьсот пятьдесят...

Агния знала, что этот аукционист прежде работал метрдотелем в дорогом московском ресторане, где его и увидел владелец аукционного дома. Метрдотель произвел на него впечатление своим холеным видом и красивым бархатным голосом, и бизнесмен сделал метрдотелю выгодное предложение. Тот немного поднатаскался в терминологии, запомнил несколько специфических аукционных приемов и вот уже третий год успешно проводил аукционы.

– Дама в восьмом ряду – миллион... – проговорил ведущий и первый раз ударил по столу молотком. – Раз... два...

И тут в заднем ряду мелькнула еще чья-то рука.

– Господин в заднем ряду – полтора миллиона! – воскликнул аукционист, и глаза у него замаслились от удовольствия.

Агния с интересом взглянула на нового игрока. Впрочем, к нему повернулись почти все в зале.

Это был незнакомый человек, мужчина не первой молодости, в старомодном вельветовом пиджаке и шейном шелковом платке. По виду – дешевый пижон. Но, конечно, не дешевый, если он торгуется за бесценный кубок, да еще набавляет цену сразу так много...

– Раз... два... три... продано! – Аукционист последний раз ударил по столу молотком и удовлетворенно провозгласил: – Продано господину в последнем ряду за полтора миллиона евро!

А покупатель поднялся со своего места и неторопливо направился к столу аукциониста.

---

<sup>1</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

– Извините, господин, – попытался тот остановить его. – Вернитесь, пожалуйста, на свое место!

– Но я хочу взглянуть на свою покупку, – как ни в чем не бывало проговорил покупатель. В зале зашумели.

– Но у нас так не принято... – настаивал аукционист. – Вы получите свой кубок сразу после завершения аукциона...

– Не принято? – переспросил таинственный покупатель, подходя к сцене. – Всякие правила существуют для того, чтобы их время от времени нарушать!

Он протянул руку и взял со стола кубок.

Аукционист наконец опомнился и махнул рукой охраннику:

– Останови его!

– Ну уж нет! – проговорил покупатель, поворачиваясь к залу. – Господа, моя фамилия – Демонже, возможно, вам приходилось обо мне слышать. И я намерен сейчас, на ваших глазах, проверить, действительно ли на этом аукционе продают подлинные антикварные изделия или же здесь нагло обманывают клиентов!

Агния привстала: события развивались неожиданным и удивительным образом.

Она не раз слышала о Викторе Демонже, легендарном художественном эксперте и борце с подделками антиквариата и произведений искусства. Демонже был фигурой легендарной, загадочной, он работал на крупные аукционные дома и страховые компании, по слухам, имел связи с Интерполом, и ему удалось в свое время раскрыть несколько громких дел, связанных с мошенничеством в антикварном бизнесе. Он брал огромные гонорары, но от клиентов у него не было отбоя. Вот и сейчас, догадалась Агния, Демонже действует по заданию какого-то конкурирующего аукционного дома...

– Так не делается! – выкрикнул аукционист. – У нас все лоты тщательно проверены, все имеют необходимые сертификаты подлинности, подписанные ведущими экспертами...

– Тогда почему же вы не позволяете мне взглянуть на мою покупку? – насмешливо осведомился Демонже. – Вам же нечего бояться. Или я ошибаюсь?

Охранник подошел к сцене и вопросительно взглянул на ведущего.

Шум в зале усилился. Кто-то из клиентов, привстав, крикнул:

– Не мешайте ему! Пусть проверит кубок! Мы все хотим знать, не обманывают ли нас на этом аукционе!

– Да, пусть он проверит кубок! – зазвучали голоса в разных концах зала.

Аукционист побледнел и закусил губу.

Он не знал, как поступить: пресечь попытку Демонже? Вывести его из зала на глазах у десятков людей? Но тогда престиж аукциона будет разрушен, он утратит доверие обеспеченной публики, на репутации фирмы появится огромное, несмываемое пятно, а в этом бизнесе репутация – это все...

– Хорошо, – неохотно проговорил он после секундного раздумья, – проверяйте... правда, я не знаю, как вы это сделаете в отсутствие лаборатории! Мне кажется, в таких условиях невозможно проверить подлинность кубка!

Охранник, переглянувшись с шефом, отступил в сторону.

Демонже поднялся на сцену с кубком в руках и повернулся к залу, как университетский лектор.

– Уважаемый аукционист совершенно прав, – проговорил он выразительным, хорошо поставленным голосом, – серьезная научная экспертиза такого сложного изделия требует значительного времени и сложного оборудования. Ни тем ни другим я в данный момент не располагаю...

– Чего же вы в таком случае хотите? – вмешался аукционист тоном оскорбленной невинности. – Для чего же вы устроили этот скандал, прервав работу аукциона?

– Подождите! – Эксперт поднял руку. – Я еще недоговорил! Разумеется, я не могу сейчас провести доскональную экспертизу кубка – но я и не собираюсь это делать. Я видел заключения экспертов, проверивших кубок после аукциона «Ка Чезаре», и не имею причин им не доверять. А также не сомневаюсь, что перед нами – тот самый кубок, который был продан в Венеции...

– Так в чем же дело?

– Дело в том, что я хочу проверить не весь кубок, а только украшающий его камень, вот этот сапфир, известный под именем «Сердце Запада». Все мы слышали, что после того, как кубок привезли из Венеции, камень из него был вынут и похищен...

– Но все также слышали, что похититель этого камня арестован, камень у него найден, конфискован и возвращен законным владельцам! – вмешался аукционист, который пришел к себе и попытался снова овладеть ситуацией.

– Постойте, я не договорил! Я имею основания считать, что подлинный камень заменили подделкой. Не знаю, кто это сделал, и не хочу гадать, но я попробую прямо сейчас, у вас на глазах, произвести небольшой эксперимент...

Агния следила за происходящим на сцене как за увлекательной остросюжетной пьесой. Впрочем, и все остальные участники аукциона были очень взволнованы. Один только Демонже был спокоен и уверен в себе. Он достал из кармана черный футляр и вынул из него небольшой хромированный прибор.

– Это – компактный спектрофотометр, – проговорил эксперт, демонстрируя прибор залу, – не буду мучить вас техническими деталями, но суть сводится к тому, что при его помощи я хочу определить химический состав этого камня. Дело в том, что, как вы, должно быть, знаете, по своему составу сапфир – простой оксид алюминия, насыщенный цвет которому придают ионы железа. Опять же не буду нагружать вас лишними научными подробностями...

Демонже поднес свой прибор к камню и включил его. Шкала прибора засветилась, на ней появились сначала цветные полосы, а затем – какие-то ряды цифр.

– Итак, – проговорил эксперт, подняв прибор над головой и показывая его залу, – мы видим, что спектрометр указывает на наличие в камне большого количества ионов титана. А вы, господа, наверное, знаете, что титан был открыт только в восемнадцатом веке одновременно в Германии и Англии. Значит, камень, который мы с вами видим, не только искусственного происхождения, но и сделан вовсе не тысячу лет назад, как нас пытаются уверить, а куда позднее, подозреваю, что совсем недавно, скорее всего, прямо перед аукционом...

– Это ложь! – воскликнул аукционист, понимая, что ситуация окончательно вышла из-под контроля. – Это неслыханно! Наш аукционный дом пользуется прекрасной репутацией...

– Не знаю, насколько эта репутация заслуженна! – перебил его Демонже. Он говорил спокойно и, казалось, негромко, но тем не менее его голос был отчетливо слышен даже в самых дальних рядах.

«Все ясно, – подумала Агния, – Демонже наняли конкуренты «Русской старины», какой-то другой аукционный дом хочет выгнать их с рынка и захватить освободившееся место... поэтому он и устроил такой спектакль, проверку камня прямо в зале аукциона, чтобы об этом скандале узнало как можно больше людей».

– Все мы знаем, что незадолго до аукциона камень был похищен, – продолжал Демонже, – правда, потом его якобы нашли и вернули владельцам, однако я не знаю, правда ли это. Во всяком случае, похищение – если оно действительно имело место, а не подстроено – это очень удобный момент, чтобы заменить подлинный камень имитацией. Должен признать – очень искусной имитацией...

– Это неслыханно! – горячился аукционист. – Мы никогда не опустили бы до изготовления подделок! Нужно еще проверить вашу экспертизу...

– Мы ее, разумеется, проверим, – хладнокровно проговорил Демонже, – теперь ведь я собственник кубка, не так ли? И, как его собственник, я буду настаивать на проведении тщательной независимой экспертизы...

Он выразительно взглянул на аукциониста и продолжил, немного смягчив интонацию:

– Я, конечно, не настаиваю на том, что это именно вы подделали камень. Возможно, это сделал похититель, в руках которого камень находился достаточно долго, возможно, это сделали последние владельцы кубка, но аукционный дом в любом случае должен был тщательно проверить выставленный на продажу старинный артефакт, и если вы этого не сделали, то несете за это полную ответственность... вы знаете это не хуже меня...

В это мгновение дверь аукционного зала распахнулась, и в него, как ракета, влетела Алина, вдова покойного владельца кубка Антона Борового. Агния оживилась – прежде она работала на Борового, но когда тот был убит, Алина выгнала ее со скандалом<sup>2</sup>.

Алина была в ярости, лицо пылало, дорогая прическа растрепалась. За ней бежал охранник, он безуспешно пытался остановить ее, но Алина шипела, как разъяренная кошка, и отмахивалась от охранника, стараясь угодить ему в лицо длинными наманикюренными ногтями.

За спиной Алины в дверях зала замаячило холеное лицо владельца аукционного дома. Он тоже был взбешен всем происходящим и ожег аукциониста многообещающим взглядом.

– Ты на кого бочку катишь, козел? – завопила Алина, прорываясь к сцене. – Ты говоришь, что это я камень подделала? Да я тебя в порошок сотру! Да я от тебя живого места не оставлю! Да ты меня еще не знаешь, козел!

Двое охранников совместными усилиями с большим трудом оттащили Алину от сцены.

Агния тихонько поднялась и вышла из зала.

Ей совсем не хотелось, чтобы вдова Борового заметила ее – тогда Алина сразу нашла бы новый объект для своей ярости, и Агнии не поздоровилось бы.

Выйдя из зала, Агния не увидела завершения скандала.

Также она не увидела, как пятью минутами позже ее из зала вышла неприметная художавая девушка в скромном с виду, но явно дорогом темном платье. Эта девушка покинула здание, села в дорогую черную машину и направилась к выезду из города.

Через час она уже подъехала к загородному дому, окруженному высокой глухой стеной.

Металлические ворота послушно разъехались. Черная машина въехала во двор и по усыпанной гравием дорожке, обсаженной розовыми кустами, подъехала к большому двухэтажному дому из золотистых бревен. Девушка выбралась из машины. Прежде чем подняться на крыльцо, она быстро оглядела двор. Двор был пуст, только в дальнем конце участка работал садовник.

Девушка стремительно поднялась на высокое крыльцо, подошла к двери, взглянула в глазок камеры – и дверь послушно распахнулась перед ней.

Она вошла в холл, одну из стен которого занимал огромный, сложенный из натурального камня камин. На полу перед камином лежала настоящая медвежья шкура.

Не задерживаясь в холле, девушка поднялась по деревянной лестнице на второй этаж, прошла по узкой галерее и остановилась перед второй дверью.

Выждав несколько секунд, девушка постучала.

– Входи, Лиза! Я тебя жду! – донесся из-за двери мягкий, музыкальный голос.

Девушка вошла и оказалась в небольшой комнате, вся обстановка которой состояла из нескольких одинаковых стеллажей и длинного рабочего стола, на котором стояли два микроскопа и еще несколько сверкающих хромом приборов. Рядом с микроскопом стояла коробка, в которой были разложены несколько ярких тропических бабочек. За столом сидела пожилая женщина с аккуратно уложенными волосами цвета темного меда.

---

<sup>2</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Возле ног этой женщины лежала огромная черная собака. При появлении девушки собака поднялась, подошла к ней и приветливо завилала хвостом.

Женщина оторвалась от микроскопа и взглянула на вошедшую.

– Ну как, Лизонька, тебе что-то удалось узнать? К кому перешел тот кубок?

– Это не играет роли, – ответила девушка, – в кубке – фальшивый камень.

– Это точно? – Женщина взглянула на Лизу пристально, настороженно, недоверчиво.

– Абсолютно точно. Камень – новодел. Сапфировое стекло с добавками окиси титана.

Сделан, правда, очень хорошо, но это не играет никакой роли...

– Что ж, этого следовало ожидать... – на лбу женщины появились складки. – Камень прошел через много рук, и к каким-то из этих рук он прилип... придется выяснить, у кого он находится сейчас, но это – не такое простое дело, слишком много людей оказалось замешано... впрочем, пока это придется отложить.

– Отложить? – удивленно переспросила девушка. – Но вы говорили, Елена Юрьевна, что этот камень – приоритетная задача! Что нужно отложить все остальные дела и заниматься только им...

– Не камень, а камни! – поправила ее женщина, – Кроме этого сапфира, есть еще три камня, и один из них как раз сейчас замаячил на горизонте. Вот им мы и займемся, сейчас для этого сложились очень подходящие обстоятельства...

– Кого вы планируете подключить к работе?

– Прошлый раз мы пытались решить вопрос чисто силовым методом, подключив Полковника. Но Полковник, как ты помнишь, не справился с задачей...

– Еще бы мне не помнить, – Лиза улыбнулась одними губами, в глазах ее блеснули золотистые искры, – ведь это мне потом пришлось с ним разбираться...

– Так вот, – Елена Юрьевна сделала вид, что не обратила внимания на ее слова, – на этот раз мы будем действовать тоньше. Собственно, кое-какие действия я уже предприняла. Подключила к этому делу некоего Виталика.

– Кто такой Виталик? – Лиза неприятно удивилась тому, что у Елены Юрьевны есть, оказывается, еще доверенные люди, которые помогают ей в делах. И о которых она, Лиза, ничего не знает. Этот вопрос следует выяснить, причем как можно скорее.

– Лиза, ты слушаешь меня? – В голосе хозяйки прозвучало недовольство.

– Да-да, простите, – отозвалась Лиза.

– Так вот, Виталик – специалист деликатного профиля. И его деятельность требует некоторой подготовки. Но сейчас, я думаю, подготовка эта завершена. И камень как раз всплыл на горизонте.

– Что стучишь? – Охранник открыл форточку на двери камеры, заглянул внутрь.

Перед дверью стоял человек среднего роста, с красными, воспаленными глазами. Ничего особенного – ни мощной мускулатуры, ни больших связей с уголовными авторитетами, однако сокамерники относились к нему с боязливym уважением.

– Что стучишь? – повторил охранник, разглядывая заключенного. – Я сейчас тебе так по башке настучу...

– Я хочу встретиться со следователем, – проговорил тот, подслеповато моргая, – я хочу сделать признательные показания.

– Будет тебе следователь, – хмыкнул охранник.

Через час заключенный сидел в кабинете следователя Мухина.

Следователь разглядывал его с любопытством.

Этот человек находился под следствием по делу об убийстве охранника коммерческой фирмы, занимавшейся антиквариатом, а также о явно преднамеренном ДТП, организованном на Пулковском шоссе, в результате которого погиб водитель той же самой фирмы.

Интуиция говорила Мухину, что за этим человеком тянется длинный хвост других преступлений, но упорный подозреваемый на контакт со следствием не шел.

При аресте у него был изъят крупный и красивый драгоценный камень – сапфир, предположительно извлеченный из средневекового кубка. Этот камень вернули владелице – хозяйке все той же антикварной фирмы, точнее, вдове прежнего владельца, Антона Борового<sup>3</sup>.

Еще этот человек выделялся из общей массы заключенных тем, что никто не знал его настоящего имени. Во время ареста при нем были найдены документы на имя Сергея Ивановича Иванова, но при тщательной проверке эти документы оказались поддельными, а арестованный настаивал на том, что он – действительно Сергей Иванович Иванов, тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения, уроженец города Тамбова.

Неувязка была только в том, что Сергей Иванов, родившийся в Тамбове в том далеком году, умер в возрасте шести месяцев и похоронен там же, в Тамбове.

– Ну что, Иванов, – проговорил следователь насмешливо, – решил все же заговорить? Или ты не Иванов?

– Иванов, Иванов! – закивал заключенный. – Самый что ни на есть настоящий Иванов!

– Настоящий Иванов умер! – рявкнул Мухин, но тут же взял себя в руки, вспомнив, что подследственный сам попросил о встрече, значит, надумал что-то о себе рассказать.

– Ну, и что же ты мне хотел сообщить?

– Хотел облегчить свою совесть и сообщить о совершенном мной преступлении, – проговорил заключенный.

– Я слушаю, – следователь включил диктофон и придвинулся поближе, – я внимательно слушаю.

– Это я в две тысячи одиннадцатом году убил бизнесмена Аккуратова.

– Что?! – Следователь удивленно уставился на своего визави. Тот замолчал, только моргал красными глазами.

– Ты это серьезно? – переспросил Мухин недоверчиво и сам почувствовал, что эти слова прозвучали глупо.

Дело было в том, что следствие по тому былому делу давно уже закончилось, обвиняемый был осужден и отбывал срок в одной из сибирских колоний.

Правда, в деле имелись многочисленные неувязки, но без них обходится редкое дело. Вел то следствие некий Фуников, с которым Мухина связывали давние неприязненные отношения. После того дела Фуников сделал карьерный рывок и пошел на повышение, отчего неприязнь к нему Мухина, само собой, не уменьшилась.

– Серьезно, еще как серьезно! – насмешливо проговорил фальшивый Иванов. – Я могу на месте показать, как все произошло. И куда я спрятал пистолет. Кстати, это был «Глок-18».

Следователь хотел что-то сказать, выразить свое недоверие, но, услышав про оружие, поперхнулся и замолчал, в упор разглядывая «Иванова».

Аккуратов был убит пулей девятого калибра, и эксперты называли австрийский пистолет «Глок-18» как наиболее вероятное орудие убийства. Но сам пистолет не был найден, и в прессу сведения о нем не просочились, так что никто посторонний не мог знать, из какого оружия был убит бизнесмен...

Что же из этого следовало? Что «Иванов» говорит правду, что он действительно убил Аккуратова или, по крайней мере, что-то знает об этом убийстве из первых рук.

Мухин заволновался.

У него появился реальный шанс подсидеть Фуникова, доказать его некомпетентность и обойти на очередном карьерном повороте. Правда, оставался неприятный вопрос: зачем этому

---

<sup>3</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

«Иванову» брать на себя лишнее преступление? Но этот вопрос можно будет решить позднее, а сейчас следовало ковать железо, пока оно не остыло.

– На месте, говоришь? – переспросил следователь. – И покажешь, куда пистолет спрятал?

– Покажу!

– Ну что ж, тогда завтра проведем следственный эксперимент! – Следователь машинально потер руки.

Сразу после этого Мухин вызвал охрану и отправил «Иванова» обратно в камеру.

Вернувшись в свою камеру, «Иванов» отозвал в сторонку одного из сокамерников, тощего, долговязого блондина, находившегося под следствием по делу о мошенничестве с кредитными картами, и вполголоса сказал тому:

– Ты сегодня встречаешься с адвокатом. Так вот, скажи, чтобы он позвонил по этому телефону, – «Иванов» продиктовал семь цифр, – и сказал – ход «Е2-Е4». Запомнил?

– Запомнил, – испуганно кивнул мошенник.

Как и остальные сокамерники, он ужасно боялся «Иванова» и готов был сделать что угодно, только бы не навлечь на себя его гнев.

На следующий день «Иванова» вывели из камеры во двор следственного изолятора, где уже ждала большая черная машина. На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел следователь Мухин. «Иванова» посадили сзади, в зарешеченном отсеке, вместе с двумя крепкими охранниками.

Машина выехала со двора и направилась в сторону Таллинского шоссе, туда, где был убит злосчастный бизнесмен Аккуратов.

Мухин лениво смотрел по сторонам, на проносящиеся за окном машины, новостройки. Он уже представлял, как раскроет то резонансное дело, представлял, как его представят к очередному повышению, а Фуникову, наоборот, объявят выговор...

Из этого приятного мечтательного состояния его вывело удивленное восклицание водителя:

– Что же он творит? Какого черта...

Мухин вытаращил глаза и успел разглядеть, как из-за поворота вылетела грузовая фура, помчалась на красный свет и со страшной силой врезалась в их машину.

Раздался грохот, звон бьющегося стекла, металлический скрежет... и следователь Мухин потерял сознание.

Правда, он довольно быстро пришел в себя и открыл глаза.

Их машина перевернулась, она лежала на боку перед витриной кондитерского магазина. Прямо против своего лица Мухин увидел огромный свадебный торт, украшенный шоколадными фигурками жениха и невесты. Мухин пошевелился, пытаясь понять, насколько сильно он пострадал, и понял, что висит в глупой и беспомощной позе на ремне безопасности и что его руки и ноги как будто целы. Рядом с ним на таком же ремне висел водитель. Лицо его было окровавлено, но глаза открыты и смотрели почти осмысленно.

Мухин с трудом отстегнул ремень и кое-как выбрался из машины. Оказавшись снаружи, он увидел, что задняя часть автомобиля пострадала гораздо сильнее, ее почти снесло. Видимо, туда пришелся основной удар. Рядом на тротуаре лежали три бесчувственных, окровавленных тела – два охранника и «Иванов».

Грузовая фура, послужившая причиной трагедии, исчезла в неизвестном направлении.

Как ни странно, первой мыслью Мухина было, что следственный эксперимент провалился, что начальство будет недовольно и что теперь ему не удастся подсадить зловерного Фуникова. На всякий случай он подошел к подследственному и оглядел его. Лицо «Иванова» превратилось в кровавое месиво, однако, когда следователь попытался проверить пульс, он убедился, что «Иванов» жив. Значит, еще не все потеряно. Можно будет провести следственный эксперимент, когда подозреваемый снова будет в надлежащей форме.

Схватив чудом уцелевший мобильный телефон, Мухин позвонил своему непосредственному начальнику, чтобы сообщить о трагическом происшествии и вызвать помощь.

Впрочем, помощь и так уже приближалась – неподалеку завывали на разные голоса сирены машин «Скорой помощи» и полиции. Вскоре машины подъехали к месту аварии и остановились.

Мухин подошел к коллегам, объяснил им ситуацию.

Те поняли его с полуслова.

Раненых охранников погрузили в машину «Скорой помощи» и отправили в дежурную больницу, для «Иванова» вызвали специальный транспорт, предназначенный для перевозки раненых заключенных. Приехавший с этой машиной фельдшер сделал пострадавшему какие-то уколы, на его руках, несмотря на тяжелое состояние, защелкнули наручники. Мухин сел в эту же машину, чтобы не потерять контроль над ценным свидетелем, и приказал ехать обратно в следственный изолятор.

На полпути раненый пошевелился и проговорил слабым, прерывающимся голосом:

– Где я? Что со мной? Куда мы едем?

– Известно куда – домой! – проворчал Мухин. – Домой, в следственный изолятор!

– В изолятор? – переспросил раненый и попытался приподняться. – А почему у меня на руках наручники?

– Порядок такой! – оборвал его Мухин. – Раз ты не в камере – заключенному положены наручники!

– По... почему заключенному? – пролепетал раненый. – Я старший сержант Емангулов, третий отряд...

– Что? – удивленно переспросил Мухин. – Что вы несете, заключенный?

– Я старший сержант Емангулов, третий отряд...

Упорство раненого и особенно его заметный восточный акцент заставили Мухина насторожиться. Он задал раненому несколько вопросов, на которые мог ответить только сотрудник охраны, – и тот на них ответил совершенно правильно.

Мухин приказал водителю остановиться и уставился на раненого, пытаясь понять, что же произошло.

Правда доходила до него медленно и с трудом.

Наконец он понял, что хитрый «Иванов» обвел его вокруг пальца, каким-то образом связался со своими сообщниками, подстроил аварию и, пока сам Мухин был без сознания, успел поменяться одеждой с одним из охранников... свое лицо и лицо охранника он так измазал кровью, чтобы обоим невозможно было узнать...

Значит... значит, этого «Иванова», опасного преступника, за которым числятся по меньшей мере два убийства, сейчас везут на машине «Скорой помощи» в обычную гражданскую больницу, откуда тому очень легко будет сбежать!

Осознав все это, Мухин снова схватил телефон, чтобы переговорить со своими коллегами и направить в больницу группу захвата, а также каким-то образом связаться с машиной «Скорой помощи» и предупредить медиков, что они везут опасного преступника.

Группу захвата в больницу отправили, но персонал машины «Скорой помощи» не отвечал ни по одному телефону и сама машина исчезла в неизвестном направлении.

Неприметная темно-серая машина проехала мимо Владимирского собора, мимо Кузнечного рынка и остановилась на тихом перекрестке. Здесь, в полуподвальном помещении, много лет существовал небольшой антикварный магазинчик, принадлежавший весьма скользкому и подозрительному типу, известному в узких кругах под выразительной кличкой Бармаглот. Свою кличку Бармаглот получил не только за грубые и некрасивые методы ведения бизнеса, но

и из-за сходства этой клички с его настоящей фамилией. По паспорту Бармаглот был Михаилом Михайловичем Готовым.

Дверца темно-серой машины распахнулась, из нее вышел человек среднего роста, в темных очках и в куртке с поднятым воротником. Если бы этого человека увидел следователь Мухин, он, возможно, узнал бы в нем таинственного заключенного, скрывавшегося под именем Сергея Ивановича Иванова.

А возможно, не узнал бы – темные очки и поднятый воротник меняют внешность. Но Мухин никак не мог его увидеть – после неудачного следственного эксперимента, во время которого фальшивый Иванов сбежал, Мухина отправили в город областного подчинения Волковоевск для укрепления тамошнего отдела внутренних дел.

Поправив волосы характерным небрежным жестом, бывший Иванов неторопливо подошел к двери полуподвального магазина и удивленно уставился на нее.

Дверь была закрыта, причем, судя по толстому слою пыли, закрыта уже давно.

Рядом с магазином подметал тротуар дворник, трудовой мигрант из Средней Азии. Увидев человека в темных очках, он остановился, опершись на метлу. Видно было, что ему хочется поговорить.

– Закрыт, что ли, магазин? – спросил его «Иванов».

– Закрыт, однако, давно закрыт. Как хозяина побили, так, однако, и закрылся...

– Побили, говоришь? – переспросил «Иванов». – Кто же его побил? И за что? Хотя ты, наверное, не знаешь...

– Почему не знаешь? – обиделся трудовой мигрант. – Я как раз все знаешь! Я здесь давно дворник работаю, а дворник все знаешь! Жулик он, Бармаглот! Жулик, однако, и нехороший человек! Меня и то несколько раз обманывал! Говорил – приходи, Змиетдин, подмети около магазина, я тебе за это денег дам! Я приду, подмету – а он, однако, обманет, никаких денег не даст...

– Ну, не за это же его побили...

– Однако, не за это! – согласился дворник и понизил голос: – За камень его побили!

– За камень? – переспросил «Иванов», стараясь не показать свой интерес. – За какой еще камень?

– За дорогой, однако, камень! – сообщил мигрант страшным шепотом. – Сильно дорогой камень! Он тот камень одному человеку продал, потом другому... ну, те люди его и побили!

– Вот как! – «Иванов» снова поправил волосы своим характерным жестом и направился к машине.

Собственно, сам Бармаглот его не интересовал. Он надеялся найти в его магазине Павла, мастера на все руки, который по приказу Бармаглота сделал два поддельных сапфира, чтобы продать их под видом старинного драгоценного камня, сапфира по имени «Сердце Запада», извлеченного из средневекового кубка.

Этот драгоценный камень был уникальным и бесценным: по легенде, когда-то он вместе с тремя другими камнями украшал крест, принадлежавший святому Петру...

Настоящий сапфир в то время был у самого «Иванова», и он обратился к Павлу, чтобы тот сделал для него еще одну копию камня. При помощи этой копии «Иванов» хотел сыграть свою собственную игру, заработать большие деньги.

Павел с работой справился, сделал три поддельных сапфира очень высокого качества, однако, когда «Иванов» пришел в его мастерскую за своим камнем, произошла случайная путаница, невольным виновником которой стал кот Павла по кличке Чиппендейл, и «Иванов» вместо настоящего сапфира унес поддельный<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Почти сразу после этого киллер был арестован и попал в следственный изолятор. Во время ареста при нем нашли драгоценный камень синего цвета и документы на имя Сергея Иванова, а настоящее его имя так и не смогли выяснить.

Находясь в следственном изоляторе, «Иванов» узнал, что конфискованный у него при аресте камень оказался фальшивым. И вот теперь, вырвавшись на свободу, киллер хотел найти Павла и выяснить, к кому же в результате всех этих запутанных событий мог попасть подлинный сапфир.

Не найдя Павла в магазине, «Иванов» не слишком расстроился: он знал его домашний адрес. Павел со своей больной дочерью проживал в двухкомнатной «хрущевской» квартире на проспекте Ветеранов. Туда-то и поехал «Иванов» прямо от магазина.

Дверь подъезда «хрущевки», в которой жил Павел, была оснащена домофоном, но кто-то из жильцов постарался этот домофон испортить, чтобы не возиться с ключом, поэтому «Иванов» без труда вошел внутрь и поднялся на третий этаж. Остановившись перед дверью квартиры, он привычным жестом поправил волосы и позвонил.

Трель звонка раскатилась за дверью, но никто на нее не отреагировал, никто не подошел к двери и не открыл ее. Более того, из-за двери не доносилось никаких звуков, говорящих о присутствии людей, – ни шума льющейся воды, ни шкворчания жарящихся котлет, ни звука включенного телевизора.

Это было странно – конечно, сам Павел мог куда-нибудь уйти, допустим, на новую работу, но его дочь Леночка, развитие которой остановилось на уровне пятилетнего ребенка, никуда не выходила в отсутствие отца.

«Иванов» на всякий случай позвонил еще раз, и на этот раз скрипнула соседняя дверь. Эта дверь немного приоткрылась – насколько позволяла дверная цепочка, – и на лестницу выглянула дородная старуха в лиловом шелковом халате.

– Вы кто такой? Вам кого надо? – спросила она с врожденной подозрительностью в голосе и во взгляде.

– Я из оздоровительного центра, – сообщил «Иванов», поправляя волосы, – к Леночке. Лечебный массаж сделать.

– К Ле-еночке! – протянула соседка. – Поздно спохватились! Они с Павлом давно уже уехали!

– Уехали? – переспросил «массажист». – А почему нам ничего не сообщили?

– Уж этого я не знаю!

– А куда уехали – вы тоже не знаете?

– Павел что-то говорил... – соседка задумалась. – Вроде к родственникам в деревню. То ли в Вологодскую область, то ли в Новгородскую... или вообще в Саратовскую... нет, не помню! Не буду врать!

– Выходит, я зря приехал...

– Выходит, зря!

«Иванов» поблагодарил соседку и собрался уходить, но та снова окликнула его:

– Постойте, мужчина! А вы массаж всем делаете? Мне бы тоже хорошо массаж, от спины очень помогает!

– Я только по предварительной записи работаю, – отмахнулся «массажист».

– А за сколько же времени нужно записываться?

– За полгода.

Выйдя из неказистой «хрущевки», киллер сел за руль своей машины и задумался.

Павел с дочерью уехал куда-то в глушь, видно, очень боялся, что история с камнем получит продолжение. Никаких следов мастер не оставил. Конечно, найти можно кого угодно, но такие поиски потребуют слишком много сил и в особенности времени. А вот как раз времени-то у него и не было. Все же полиция его упорно ищет.

Притормаживая на перекрестке, Агния вдруг осознала, что ужасно хочет есть. Просто желудок скручивает. Так, и когда же она ела в последний раз? Кажется, утром выпила чашку кофе с тостом. Да еще в доме не было ни масла, ни сыра, она снова забыла заехать в супермаркет. А сейчас на часах... так, уже половина пятого. И за весь день не было у нее минутки, чтобы перекусить. Вот такая вот жизнь у деловой женщины. Работа отнимает все время.

Краем глаза она увидела вывеску небольшого ресторанчика где-то за перекрестком. Все, на сегодня хватит! Сейчас она остановится и поест. Не спеша, как дед учил. К еде, говорил он, надо относиться с уважением, не запихивать в себя все подряд, как в мусорный контейнер. Тогда все пойдет на пользу и не будет никаких болезней.

На этот раз она была так голодна и взвинчена, что даже сердце не кольнуло привычно, когда вспомнила деда.

Хотя эта картина всегда будет стоять перед глазами... тогда, два года назад по звонку соседки – дескать, что-то у вас не в порядке, одна дверь открыта и на звонок никто не отзывается, – примчалась Агния сломя голову и нашла деда лежащим на ковре в кабинете. Тело его уже остывало. И не сердечный это был приступ, и не апоплексический удар, а самое настоящее убийство.

Вот именно, ее деда, самого близкого Агнии человека, убили и ограбили. Дед был крупным коллекционером, было в квартире множество ценных вещей. Взяли немного, только небольшие предметы. Разумеется, убийство это полиция не раскрыла.

Агния тогда просто заболела от горя, так что думать об этом смогла только гораздо позже. Дед был очень разумным и осторожным человеком, было в квартире две двери и датчики на окнах.

Одна дверь – суперпрочная стальная, и замок хитроумный, вторая – деревянная, но такой толщины и прочности – простым топором не разрубишь. И получается, что дед сам впустил в дом своего убийцу. Что, конечно, тоже маловероятно, потому что случайному человеку он бы дверь не открыл.

Что же остается? Выходит, дед хорошо знал своего убийцу?

Агния потрясла головой, чтобы отогнать печальные мысли, и сосредоточилась на парковке.

Ресторан оказался итальянским. Об этом говорили желтые керамические тарелки на стенах и статуя римской волчицы посреди зала. Помещение было небольшим, уютным и пустоватым – время обеда прошло, а ужин еще далеко.

Агния выбрала удобный столик в углу и откинулась на мягком диванчике, с удовольствием вытянув ноги. Тут же подошла официантка с меню.

«Съесть тарелку спагетти со сливочным соусом и наплевать на все диеты... – сонно подумала Агния, – а потом десерт какой-нибудь калорийный... и кофе...»

Официантка, приняв заказ, ушла. Чтобы не заснуть, Агния взяла со стойки в углу газету. Обычная рекламная лабуда, а вот тут, на последней странице... Ага, это она, конечно, уже слышала, да что там слышала – можно сказать, видела все собственными глазами, но все равно почитать интересно.

«Позавчера, на антикварном аукционе «Русская старина», что проходит ежегодно в Юсуповском дворце, разразился ужасный скандал, – писал репортер, – поскольку один из лотов, выставленный на аукцион, оказался фальшивкой. Это золотой кубок, датируемый пятнадцатым веком. Кубок три месяца назад был куплен погибшим при невыясненных обстоятельствах антикваром Антоном Боровым. Нынешняя владелица кубка госпожа Боровая предоставила аукционному дому все документы, свидетельствующие о подлинности кубка. И каково же было возмущение экспертов, когда выяснилось, что кубок – подделка!

Госпожа Боровая устроила прямо в зале истерику, обвиняя организаторов аукциона в том, что они подменили ее лот. «Это неслыханно! – заявил один из организаторов аукциона. – У нас серьезное, авторитетное мероприятие, никогда не было неприятностей подобного рода!»

На вопрос, отчего же сразу эксперты не смогли определить подделку, наш источник заметил, что документы с легендарного венецианского аукциона «Ка Чезаре», где первоначально был куплен кубок, ввели их в заблуждение. Теперь они будут подходить к определению подлинности лотов более тщательно, так как не хотят портить репутацию аукциона «Русская старина».

К статье прилагались две фотографии. Взъерошенную Алину Боровую выводят из зала двое дюжих охранников, а вот и сам кубок. Издалека снят, видно, ближе репортера не подпустили.

Агния внимательно рассмотрела фотографию. И с вполне объяснимым злорадством отметила, что Алина Боровая на снимке выглядела ужасно – растрепанная, красная, с выпученными глазами и распахнутым в крике ртом.

Да, быстро отлились этой драной кошке Алине мышкыны слезки. Нетрудно представить, какими словами наградила Алина всех присутствующих. Всегда была чрезвычайно невоздержанна на язык, да еще и полная дура.

Всего три месяца прошло с тех пор, как орала она на Агнию в кабинете покойного Борового, обзывала воровкой, даже драться порывалась. Думала, что Агния украла камень из кубка – удивительной красоты и величины синий сапфир<sup>5</sup>.

Агнию тогда выгнали с работы, опозорили, подлец Лисовский – бывший адвокат Борового – развонил по всему городу о том, что она нечиста на руку.

Хотел ей мелко напакостить, да только себе хуже сделал – сразу же фирма Борового упала в цене. Да, кстати, что-то не видно рядом со вдовой Борового жуликоватого адвоката, видно, как и думала Агния, обобрал он ее да и скрылся в неизвестном направлении.

Кстати, репортер этот все перевернул, как обычно. Кубок сам не фальшивка, он действительно старый, не пятнадцатого века, а, пожалуй что, девятого-десятого. Вот камень – тот самый сапфир – подделка. Но тут уж вмешалась сама судьба, наказала мадам Боровую.

А может, и не наказала, а просто так было нужно. Именно так Агния и приняла все, что случилось с ней три месяца назад, – как указание перста. И это не конец, потому что камней, которые, по легенде, были вставлены в крест святого Петра, было четыре. И Агния знает только, где сейчас находится первый, тот самый сапфир, который называют «Сердце Запада». Но рано или поздно эти камни должны собраться вместе. Так что история еще далеко не закончилась.

И нужно ждать, что же будет дальше. А пока что Агния погрузилась в работу – ее взяли директором в бывшую фирму Борового. И, кроме работы, ни о чем думать не может – уж слишком много дел. Все на ней. Ни с кем не встречается, только по работе. Никакой, в общем, личной жизни.

Агния вздохнула, но мимолетно – что толку расстраиваться, если ничего не можешь изменить? Да и не хочется, в общем...

Официантка принесла огромную тарелку дымящихся спагетти с лососиной и отдельную розетку с тертым пармезаном. Агния проглотила голодную слюну и набросилась на еду, из последних сил стараясь соблюсти приличия. Впрочем, никто на нее не смотрел.

Закончив, она выпила минеральной воды и откинула голову на спинку дивана.

После еды ее охватила приятная истома, не хотелось никуда ехать. В конце концов, обойдется без нее на работе, тем более что скоро вообще конец рабочего дня. У нее-то, Агнии, день,

---

<sup>5</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

конечно, ненормированный, иногда до позднего вечера приходится задерживаться в офисе. Поездки опять же...

Но сегодня она поедет домой, отключит все телефоны и просто отдохнет. Деда вспомнит. Сколько времени провели они в этой квартире вдвоем!

Бабушка умерла очень рано, как и отец Агнии, ее сын. У них была какая-то тяжелая наследственная болезнь сердца, которую, к счастью, не унаследовала Агния. Дед больше не женился, с женой сына он и раньше был не в лучших отношениях, но внуку очень любил и часто брал ее к себе. Когда Агния окончила школу, то и поселилась у деда.

Мать ей не препятствовала, она к тому времени снова вышла замуж, и отношения ее дочери к своему мужу очень не одобряла. Она вообще дочь не одобряла – ни выбора профессии, ни образа жизни. Но Агнии на это, по большому счету, сейчас глубоко наплевать. Они с матерью давно уже чужие люди.

Вот и получается, что нет у Агнии никакого близкого человека, не к кому обратиться в случае чего. Ну, будем надеяться, что такого кошмара, как три месяца назад, у нее в жизни больше не случится.

– Десерт будете? – без надежды на успех спросила неслышно подошедшая официантка.

– Буду! – Агния открыла глаза. – Вот этот, с маскарпоне, и кофе потом покрепче.

В ожидании десерта Агния рассеянно смотрела перед собой, и вдруг в зале ресторана появился кто-то очень знакомый.

У двери стояла молодая женщина, которую Агния определенно знала. Женщина была дорого и со вкусом одета, но вид имела несколько растерянный. Она озиралась по сторонам, не делая попыток сесть за свободный столик, и вот уже направилась к ней официантка, но тут Агния узнала ее и позвала:

– Алиса! Алиса Журавлева!

Алиса обернулась на голос, в глазах ее медленно проступило узнавание, а затем – самая настоящая радость.

– Агаша! – крикнула она и бросилась через зал к столику Агнии. – Ну это же надо, какая встреча!

Она отмахнулась от подошедшей официантки – потом, потом! И обратила лицо к Агнии.

– Как я рада тебя видеть!

Агния тоже была рада. Они с Алисой учились вместе на искусствоведческом. Не то чтобы близко дружили, но общались. Где теперь все девчонки? Кто – замужем, кто – за границей.

Таких, как Агния, то есть студентов, которые учились с целью действительно получить профессию, чтобы потом работать по специальности, было в группе немного. Основной контингент составляли дочери обеспеченных родителей, которым нужно было просто провести время до замужества. Алиса Журавлева была из таких.

Но, как поняли потом соученики, не таким уж богатым был ее отец, потому что Алиса упорно искала себе обеспеченного мужа. Девчонки обратили на это внимание, потому что тогда еще в институте по молодости никто об этом особенно не задумывался. Ну, будет когда-нибудь муж, да и ладно. А сейчас хочется свободы и развлечений. Агния еще и училась. Не только в вузе, многое почерпнула от деда. Времени на развлечения у нее было маловато, но все же общались они с девочками и с Алисой в том числе.

Хотя... вот теперь она вспомнила, что Алиску не очень любили. Какая-то она была беспокойная, все время как-то интриговала, нашептывала на ушко сплетни, а потом ни за что не признавалась, что слухи пошли от нее. Ну, впрочем, все это были какие-то мелочи, ни с кем открыто Алиса не конфликтовала.

– Вот теперь я тебя узнала окончательно, – улыбнулась Агния, – а вначале даже засомневалась – ты ли это? Ты зачем перекрасилась?

Волосы Алисы от природы были темными, она еще подкрашивала их сочно, в каштановый, и глаза тоже карие. Теперь же волосы были какого-то непонятного цвета – не то пепельный, не то русый. Неявный какой-то цвет, невыразительный. Алиса очень похудела, а может, так казалось из-за загара. Загар был получен явно не в солярии, уж это-то Агния могла отличить с первого взгляда.

Но, как тотчас определила Агния, при таком загаре Алиса не выглядела здоровой и отдохнувшей. Глаза, конечно, казались больше на похудевшем лице, однако под ними залегли темные круги, которые не скрыть было никаким макияжем. Впрочем, макияжем Алиса не злоупотребляла.

Официантка принесла пышный десерт и кофе. Агния ожидала, что Алиска сейчас поднимет брови и выскажется в духе того, что Агния совершенно не бережет фигуру, и уже резкий ответ приготовила – мол, не твое дело, со своей фигурой сама разберусь. Но Алиса только буркнула официантке не глядя «мне то же самое» и вздохнула, уставившись в окно.

– Ну, Журавлева, – сказала Агния, – выпьем за встречу хоть кофе, шампанского мне нельзя – за рулем.

– Угу, выпьем, – снова вздохнула Алиса, – только я теперь не Журавлева, а Канарская...

– Замуж вышла? – оживилась Агния. – Поздравляю и вижу, что удачно. Стало быть, исполнились мечты?

– С чего ты взяла, что удачно? – Алиса подняла на Агнию глаза, в которых отражалась вселенская тоска.

– Ну... – растерялась Агния, – одежда на тебе дорогая очень и опять же загар. Долго в теплых краях жила...

– Точно, у мужа вилла в Ницце. Что ж, Агния Иволгина – самая умная девушка в группе, как все считали. Так оно и есть.

С этими словами Алиса уронила голову на стол. Плечи ее вздрагивали.

– Алиска, что с тобой? У тебя что-то случилось? – растерянно спросила Агния.

– Да нет, – Алиса подняла голову и улыбнулась.

Точнее, сделала попытку улыбнуться. Только ничего у нее не получилось, улыбка вышла кривой и болезненной, как будто зуб с той стороны ноет.

Принесли кофе и десерт. Алиса взяла ложку и стала вяло ковыряться в креманке. Минуты две они ели в полном молчании, потом Алиса отложила ложку.

– Аппетита нет, – вздохнула она, – ты уж извини...

– Как жизнь вообще? – спросила Агния, только чтобы что-то сказать.

– Ничего, – Алиса, казалось, успокоилась, – все потихоньку.

– Давно из Ниццы? Хотя видно, что недавно, загар у тебя хороший, явно не из солярия.

– Да, осенью в Ницце хорошо... – протянула Алиса грустно.

И вздохнула прерывисто, как будто стараясь удержать подступающие рыдания.

«Да что с ней такое? – изумилась Агния. – Сколько знаю Алиску, никогда она себя так не вела!»

– Ты-то как? – спросила Алиса. – Выглядишь неплохо...

– Да где там! – Агния засмеялась. – Замотанная вся, столько работы! Директором я на бывшей фирме Антона Борового... Читала в Интернете, что его убили в Венеции три месяца назад?

– Нет, как-то мимо меня это прошло... – Алиса отвернулась.

– Так что про девчонок ничего я не знаю, ни с кем не вижу, не до того. С тобой вот повстречались случайно. Если бы я есть не захотела, то мимо проехала бы... А ты как тут?

– Тоже случайно... Ты извини, я тебя, наверно, задерживаю! – Алиса встрепенулась и посмотрела на часы. При этом рукав джемпера задрался, и Агния увидела, что все запястье ее покрыто синяками.

– Что это у тебя? – удивилась она.

– Да нет, ничего! – Алиса нервно дернула рукав и убрала руку под стол. – Это я упала...

– Упала... – повторила Агния, – ну, не хочешь – не говори, я тебя не заставляю. А только как можно упасть, чтобы на всем запястье синяки были, это я не знаю...

Алиса отвела глаза, снова они помолчали. Агния допила кофе и хотела уже позвать официантку, чтобы расплатиться. В конце концов, не может же она тянуть из Алиски сведения клещами. Не хочет говорить – и не надо. А ей и правда пора...

Она оглянулась на Алису. И вся поза ее показалась Агнии такой беспомощной и трагической, что она даже вздрогнула. Сердце ее пронзила неожиданная жалость.

– Алиса, – она тронула подругу за руку, – ну правда у тебя что-то случилось?

– Случилось, только не сейчас, а два года назад, – Алиса подняла на нее сухие глаза, – замуж я вышла.

– Ну и... – Агния постаралась, чтобы в голосе ее прозвучал несомненный интерес.

Хотя на самом деле она почувствовала только досаду. Ну, никак не хотелось ей выслушивать сейчас про чужие неурядицы с мужем. У нее своих забот хватает, чтобы еще с чужими разбираться. Только, можно сказать, расслабилась впервые за долгое время, хотелось посидеть в тишине и ни о чем не думать, как вдруг такая неожиданная встреча. Теперь надо будет выслушивать все подробности Алискиной семейной жизни, утешать ее и все такое прочее.

К чести Агнии надо сказать, что она тут же устыдилась своих мыслей. В конце концов, с Алисой они знакомы давно, и от нее не убудет, если она даст приятельнице выговориться. Тем более что синяки имеются в наличии, а это уже серьезно. Так что нужно поговорить. А с кем Агнии еще общаться? На работе только по делу, скоро одичает совсем... Мужчины подходящего и то нет – ни в наличии, ни на примете. Какие-то все вокруг либо прочно женатые и немолодые, либо совсем несерьезные личности. А впрочем, может, так кажется на первый взгляд? Поскольку второго взгляда на них Агния никогда не бросает – некогда. Да и неинтересно, если честно. Это плохо, конечно, но так уж и есть. Как расстались они с... как же его звали? – угу, Андрей. Больше двух лет назад это было. И вроде бы долго встречались, поначалу-то очень он ей нравился, думали даже вместе жить. Потом как-то перегорело все, скучно стало. Агния вяло подумывала о том, чтобы прекратить это все вообще, Андрей, видно, тоже. Но никто не делал первого шага – лень, что ли, было...

А потом случилось самое страшное в ее жизни – деда убили. Агния тогда просто окаменела вся, подруга Анька только и помогла, растормошила ее, поддержала. А Андрей так и не проявился, воспользовался, так сказать, случаем. Ну и ладно, все к лучшему. «Надо же, – мысленно усмехнулась Агния, – чуть не замуж за этого Андрея собиралась, а теперь едва вспомнила, как его зовут... Что ж, все к лучшему...»

Что-то еще было в ее жизни хорошего, ах да, случайная встреча с доктором «Скорой помощи». Агния вспомнила, какое хорошее было у него лицо. Черты неправильные, но вызывающие доверие. Тогда здорово он ей помог, и она видела, что ему понравилась. Приличный человек, не стал с ней заигрывать, дал свою визитку, сказал – обращайтесь, если что. Ясно же, что ждал ее звонка. А ее тогда завертело с тем делом, а после визитка куда-то потерялась. Ну, видно, не судьба. А жаль.

– Ты меня знаешь, – заговорила Алиса, глядя куда-то вбок, – я все-таки не полная дура. И не наивная девочка. В людях не то чтобы разбираюсь, но все же приличного человека от какого-нибудь законченного придурка отличить смогу.

«Точно, – подумала Агния, – Алиска и тогда не дура была. Это все девчонки признавали...»

Вслух она ничего не сказала, чтобы не перебивать Алису.

– Так я раньше думала, – продолжала Алиса монотонным голосом, – а оказалось, что... В общем, когда познакомились мы с Эдичкой... Это его так зовут, Эдуард Канарский, красиво, да?

– Ну не знаю... – неуверенно проговорила Агния, – имя как имя... бывает хуже...

– Я ведь раньше не рассказывала ничего про себя, помнишь? – не слушая ее, продолжала Алиса. – Потому что говорить-то особо нечего было. Родители мои... отец, в общем, в перестройку случайно разбогател. Повезло ему, оказался в нужное время в нужном месте. Фирма у него была торговая. Что-то там перепродавал, вывозил-привозил, я, понятное дело, не вникала по молодости лет.

А мама... она как-то от денег этих маленько умом тронулась. Решила вдруг, что она – хозяйка жизни. И всегда будет. Планы у нее, как у Наполеона, образовались. Главное – чтобы деньги были. Много денег. И вот она из отца их все тянула и тянула, его подгоняла – давай да давай.

Он пытался ее укротить – да куда там! Как с цепи сорвалась. Такой у нее настрой, со всеми бывшими подругами разругалась, возгордилась очень. Мы, говорила, теперь другие люди совсем. Меня после школы на искусствоведческий пристроила – незачем тебе, говорила, профессию получать, чтобы потом на работе горбатиться, по-другому будешь жить. Ну, я, конечно, согласна была, да и все у нас почти такие были, только ты всерьез училась, я помню...

Агния только кивнула, чтобы не перебивать Алису. Хоть бы уж скорее она закончила свою исповедь, потому что, честно говоря, домой охота – сил нет. Принять ванну с душистой пеной или просто поваляться на диване с книжкой. Да хоть телевизор посмотреть, сто лет она этот ящик не включала!

– Отец весь в работе был, чтобы с матерью поменьше общаться, я своими делами занята, однако понимала все же, что как-то ненадежно наше положение, – монотонно говорила Алиса. – Даже с матерью как-то поссорились мы – что уж, говорю, такие у тебя амбиции, когда не так уж мы и богаты.

«Разумно рассуждала Алиска, – подумала Агния, – впрочем, она всегда была неглупа...»

– Короче, как окончили мы институт, отец умер, – продолжала Алиса. – Много работал, рискнул сильно в одной операции, его партнеры кинули, или уж не знаю что, только расстроился он сильно, вечером пришел с работы, сел в кресло, да и умер, «Скорой» не дождался. Они приехали, сказали – инфаркт. Дело, говорят, обычное, мужчины его возраста и положения находятся в группе риска.

– Сочувствую... – тихонько вставила Агния.

– Да что уж теперь... это пять лет назад было... – вздохнула Алиса, – в общем, мать после смерти папы совсем с катушек сошла. Не то чтобы от горя, а от злости. Что он, понимаешь, обманул ее надежды, бросил на произвол судьбы. Все наперекор ей сделал.

– Да что ты? Как же можно... он ведь умер...

– Вот так, – горько усмехнулась Алиса, – с ней говорить об отце стало невозможно. А она продолжала глупости делать. Разругалась вдрызг с его компаньоном, он выплатил ей какую-то небольшую сумму денег, она и подписала отказ от претензий. Даже я понимала, что задарма она фирму продает, только ей невтерпеж было, хотелось живые деньги в руки получить.

Агния невольно подумала, что ведь у нее тоже очень плохие отношения с матерью, что та тоже все делает по-своему и что в такой ситуации, как у Алисы, наверняка мать не стала бы слушать ее советов. Хорошо, что у нее был дед, который воспитывал, учил, помогал и подерживал внучку. Да просто любил. А вот Алиске, похоже, любви не досталось. Не было у нее никого – ни братьев, ни сестер, отец умер, с матерью совсем отношения испортились.

– Деньги, конечно, мать промотала по-быстрому. Осталось кое-что – квартира, дом загородный, еще квартира наша старая. Надумала мать дом продавать, тут я возмутилась – ничего

же не останется, как дальше жить станем? Умерь, говорю, свои аппетиты, нужно перестраиваться, отца теперь нет, откуда деньги взять?

Говорю ей это и вижу, что не понимает она меня, не слушает совсем. Ей главное – образ жизни свой поддержать вот прямо сейчас, а что потом будет – она и думать не хочет. В общем, поругались мы с ней донельзя. Я ведь тоже на наследство отца право имею, а она хочет все промотать. Но не судиться же с собственной матерью. Все равно толку не будет, только позориться – все ведь узнают.

– Это верно... – поддакнула Агния.

– В общем, оставила мне мать нашу старую квартиру, с тем и разъехались мы. Куда податься? Делать я благодаря мамочке ничего не умею, никакой полезной профессии не приобрела. Сунулась туда-сюда – денег обещают кот наплакал, а на самом деле выходит и того меньше. По тусовкам болтаться и мужа искать – вид не тот, только всякая дрянь липнет. Года два так проболталась – жила с одним типом, только он потом разорился. Так ему и надо, вечно деньгами попрекал и хамил.

С матерью мы совсем разошлись. Она, разумеется, деньги все прожила, потом ко мне с упреками – дескать, растили тебя, кормили-одевали, учили, так теперь изволь мать содержать. Меня бы кто содержал...

Агния поерзала на стуле и незаметно взглянула на часы. Как бы разговор поскорее закончить... Ой, как домой хочется!

– В общем, подвернулась мне работенка одна... – Алиса усмехнулась, – ты не поверишь. Познакомили меня с одной семейкой. Приехали они из Сибири, на чем-то там резко разбогатели. Отец такой, как медведь – ходит тяжело, смотрит хмуро, молчит, да как рявкнет. Жена его тоже тетка крупная, но вполне вменяемая, хоть разговаривать умеет. И дочка у них пятнадцати лет – вылитый папочка. Ужас, в общем.

Так вот жена не то чтобы умная, а, знаешь, народная такая у нее смекалка, житейская. И говорит она мне по-свойски – сделай, мол, из моей Машки человека. Знаю, что красотой она не блещет, но научи хоть одеваться, себя держать, ходить нормально, а то вон, как медведица, передвигается. Все эти бренды-шменды чтобы наизусть знала и вообще, чем сейчас молодые увлекаются, обо всем ей представление дай. Чтобы в школе, где учится (а они ее, конечно, в частную школу отдали за бешеные деньги), так вот, чтобы в школе пальцем на нее не показывали и полудурком не называли. Если, говорит, увижу, что дело с мертвой точки сдвинулось, уж не обижу, деньги в данном вопросе не главное.

Ну, я и согласилась, хотелось попробовать. Машка девка оказалась неплохая. Покладистая, что мать велела – то и делала. Меня слушала, пыталась цивилизоваться. Не сразу, конечно, но получше выглядеть стала, я даже к ней привязалась немножко. Дела у отца семейства шли неплохо, и весной поехали мы на Лазурный Берег. Отдохнуть и кое-какую недвижимость прикупить. Меня взяли, поскольку Машка без меня не соглашалась ехать, и опять же – язык. Они, все семейство, и по-русски не больно разговаривают, откуда уже тут иностранные языки! А у меня все же английская школа, и опять же на искусствоведческом французский и итальянский кое-как нам давали, за то спасибо. Вот в Ницце и познакомились мы с Эдиком...

В этом месте Алиса тяжело вздохнула и залпом допила остывший кофе.

– В общем, я как рассуждала? Человек солидный, меня на четырнадцать лет старше. Не мальчик, но и не старик. Опять же – с положением. Бизнес у него неплохо идет, вилла в Ницце... Короче, позвал он замуж, я и пошла. Думаю: это вариант подходящий.

Не сразу, конечно, решила, несколько месяцев мы с ним так прожили. И вроде все хорошо, а потом... ты не думай, я ведь не полная дурочка, кое-что в жизни понимаю...

«Про это ты уже говорила», – невольно подумала Агния, но промолчала.

– Первое время вроде ничего все было. Ребенка даже хотела я родить. Но... он против был – подожди да подожди. Ну и ладно, у меня время еще есть... А потом как-то поехали мы

на вечеринку к одним там... тоже русским. Ну, народу полно, музыка громкая, все разбрелись кто куда... Эдик ушел – по делу, говорит, поговорить кое с кем надо. А я встретила там – помнишь Димку Крученых? Он еще с Ленкой Ковалевой какое-то время встречался...

– Помню, у его отца частный музей, он Димку и пристроил на искусствоведческий, чтобы был при деле потом, – рассмеялась Агния, – да только все зря, Димка такой балбес...

– Угу, сам мне рассказывал, что такую скуку на него все это навевало. В общем, папочка дает ему сколько-то денег и отправляет с глаз долой. И Димка крутится среди обеспеченных людей – где-то что-то посоветует, где-то поможет купить, так и живет. В Россию, сказал, ни ногой. Климат ему здешний не нравится и вообще...

Короче, поболтали мы с Димкой, я обрадовалась, что знакомого встретила. А он же ведь знаешь какой – шумит, ржет, обниматься лезет. Ну, обычное дело, его никто всерьез не воспринимает...

– Конечно...

– Да только это я так раньше думала. Ну, в тот раз Эдик появился – поедem домой, говорит, я все дела закончил. Я еще с Димкой его познакомила – дескать, приятель старинный, учились вместе и все такое. Хорошо, хоть не стала при муже с ним на прощание целоваться. Он-то хотел, да я вовремя увернулась.

– А дома что было? – спросила Агния, примерно зная, какой будет ответ.

– Ну, что было... – Алиса смотрела перед собой остановившимся взглядом. – Не успели мы в холл войти и дверь за собой закрыть, Эдичка как даст мне по лицу! И еще, и еще. Я кричу: «Что такое, за что?» А он весь белый стал и шипит так, голос у него пропал.

«Ты, – скрипит, – меня опозорила перед всеми, чтобы жена так себя вела – это вообще нужно мужа в грош не ставить». Я даже удивилась – да что я сделала-то? Ну, подумаешь, поболтала со старым приятелем, да мы с ним столько лет знакомы, никогда ничего с ним не было, даже и в голову не приходило.

Он не отстает, еще больше распалился, схватил меня, толкнул, я еле на ногах удержалась. Ты что, кричу, совсем рехнулся? Как смеешь со мной так? И в ответ ему по морде. Так только, задела легонько. Ну, за то и получила сполна. Здорово он меня избил, а как на пол бросил и я увидела, что ногой в лицо целится, так от страха сознание потеряла. Очнулась – он водой холодной на меня брызгает. Поднял, в спальню на кровать отнес, а я в зеркало боюсь заглянуть – вдруг нос сломал или вообще все лицо искалечил. Но вроде бы глаза смотрят, крови нет...

Принес он мне коньяка и воды, потом и говорит: «Прощения просить у тебя не буду, ты сама виновата. Я, – говорит, – не из тех мужей, которые спокойно смотрят, как жена при всех с любовником крутит». Я было хотела снова сказать, что Димка мне никто, да только он так на меня зыркнул, что язык заледенел. Ну, я молчу, а он и говорит, чтобы я урок усвоила и больше так никогда не делала, что он, мол, в такие моменты за себя не ручается.

И ушел в кабинет спать. А я поглядела на свое лицо – щеки опухли, синяки будут, а так ничего страшного. Видно, ногой все-таки не стал бить, опомнился.

Это я потом уж поняла, что если заведется он, то ни в коем случае нельзя ему сопротивляться, от этого он еще больше звереет. А тогда по наивности думала, что если не буду больше на других мужиков смотреть, то и он успокоится.

– Все не так оказалось?

– Разумеется, – вздохнула Алиса. – Уж вроде бы как ему ни угождала – все напрасно. На тусовках этих хожу за ним как коза на веревочке, чтобы на виду быть. Он ворчит – не таскайся за мной, дай о делах поговорить. Я тогда говорю – останусь дома, что мне там делать? Снова побои – ты хочешь меня сплавить, а сама любовника принимать! До смешного уж доходило: с садовником или там с мусорщиком парой слов перекинешься – опять драться начинает.

– Чего же ты терпела, от него не ушла? – негодовала Агния.

– А куда? – Алиса опять пожалала плечами. – Он мне прямо сказал, что ничего я не отсужу, как-то так у него все устроено, что при разводе ничего не получу. А куда ехать? К матери возвращаться? Да мы к тому времени совсем отношения прекратили. Она, видишь ли, как узнала, что я замуж вышла, так и намылилась у нас в Ницце жить.

Только Эдичка ей быстро объяснил, что к чему. Денег, сказал, на мало-мальски обеспеченную жизнь дам, и чтобы больше я вас, теща дорогая, в упор не видел. Следуйте в Россию по месту проживания. Я еще, дура, благодарил его.

– Да уж... – пробормотала Агния, больше сказать было нечего.

– Так и прожили два года... Потом у него дела здесь какие-то образовались, сюда вернулись. Так-то он неплохой... – Алиса как-то встрепенулась, – ты не думай, просто вот как находит на него. Но я, наверное, сама виновата, он прав. Неправильно себя веду. Он ведь честно предупредил, а я... все не так делаю...

– Все жертвы насилия так считают, – вспыхнула Агния, – это неверная точка зрения.

– Да ладно, ты сама знаешь, как в народе говорят: «Бьет – значит любит».

Улыбка у Алисы получилась очень грустной.

– Пойду я, – сказала она, положив на стол деньги за кофе.

– Ты без машины? – встрепенулась Агния. – Я отвезу!

– Да не надо... – вдруг Алиса покачнулась и оперлась о стол, – ой, что-то голова закружилась, кофе, верно, крепкий...

– Вот видишь, давай-ка на машине моей поедем. Тебе далеко?

– Да нет, тут почти рядом... Спасибо тебе, – слабым голосом сказала Алиса.

Вид у нее и правда был бледноватый, на лбу испарина, руки трясутся. Агния подхватила ее под руку, поймав на прощание удивленный взгляд официантки: вроде бы дамы приличные, сидели тихонько, спиртного не пили – так с чего бы это одну так повело?..

– Вот здесь, – Алиса показала на красивый шестиэтажный дом дореволюционной постройки, но явно недавно перестроенный и отремонтированный.

По фасаду дома шли изящные пилястры, балконы поддерживали строгие мускулистые кариатиды. На парковке перед домом стояли дорогие роскошные машины, рядом с которыми новенькое красное «Пежо» Агнии выглядело как деревенская замарашка на великосветском балу. Впрочем, Агния по этому поводу ничуть не комплексовала – она привыкла иметь дело с богатыми клиентами.

– Ну как ты – в порядке? – спросила она Алису.

– Не волнуйся, – ответила та слабым голосом. – Тут-то уж я дойду... здесь всего ничего...

Она выбралась из машины, шагнула к подъезду – и покачнулась, лицо залила бледность. Агния выскочила следом, подхватила Алису под руку, помогла удержаться на ногах.

– Да что с тобой? – проговорила озабоченно.

– Ничего... – Алиса улыбнулась слабой, вымученной улыбкой и всем весом повисла на руке Агнии. – Сама не знаю...

– А ты, часом, не беременна?

– Да нет, что ты! Типун тебе на язык! Мне только этого не хватало ко всем неприятностям!

– Давай-ка я тебя доведу до квартиры.

– Мне так неудобно... ну ладно, вообще-то так, пожалуй, будет лучше... А то еще подумают, что я выпила... Эдик не любит...

Агния заперла машину, довела Алису до подъезда. Та достала электронный ключ, открыла дверь.

Они вошли в холл.

Агния огляделась с невольным почтением: по сторонам от входа стояли две статуи каких-то античных богов, в дальнем конце огромного холла виднелся внушительный камин, причем сразу было ясно, что камин этот действующий, вверх поднималась красиво изогнутая мраморная лестница, застеленная зеленой ковровой дорожкой.

Но лифт тоже, конечно, имелся. Причем этот лифт впечатлил Агнию не меньше, чем статуи и камин: кабина была просторная, как кухня в квартире самой Агнии, стены – зеркальные, возле задней стены стояла бархатная банкетка, рядом с ней – кадка с каким-то разлапистым комнатным растением.

Не успела Агния подумать, что банкетка в лифте – не самая нужная вещь, как Алиса на эту банкетку бессильно опустилась. Она закрыла глаза, так что Агния слегка забеспокоилась – что-то плохо совсем Алиске, не пришлось бы врача вызывать и с ней сидеть. Хотя... вот сейчас сдаст она подругу мужу, а там уж пускай сами разбираются.

Встретать между супругами – большей глупости и придумать нельзя. Тем более что Агния этого Эдичку и знать не знает. Отвратный, конечно, тип, раз жену бьет, но тут Алиса должна сама решить, устраивает ли ее такая жизнь. Господи, и угораздило же Агнию зайти в этот ресторан! Теперь макароны эти боком выйдут...

Кабина плавно поднялась на третий этаж.

Агния помогла подруге подняться, довела ее до двери квартиры. Алиса полезла в сумочку за ключами, но Агния увидела, что дверь неплотно закрыта, и толкнула ее.

Дверь медленно распахнулась.

– Что это? – удивленно проговорила Алиса и заглянула в квартиру. – Странно... Почему дверь не заперта?

– Ну, уж не знаю! Ну что, мы входим? – Агния хотела довести Алису до места и вернуться к своим делам, чувствуя, что терпение ее уже на исходе. Ну не в таких отношениях они были, чтобы так с ней возиться!

– Эдик! – слабым голосом крикнула Алиса. – Ты дома?

Из квартиры никто не отозвался.

– Странно... – повторила Алиса. – Он никогда не уходит, оставив дверь открытой... да и никто не уходит...

Она наконец вошла в прихожую, опираясь на руку Агнии, включила свет.

Прихожая была именно такая, какую ожидала увидеть Агния: помпезная, дурновкусная, с обилием лепнины и позолоты и таких размеров, что в ней свободно можно было припарковать пару внедорожников. Из нее вели в разные стороны несколько дверей.

Алиса опустилась на золоченый, обитый кожей пуфик с гнутыми ножками, бессильно уронила руки и проговорила слабым, прерывающимся голосом:

– Агаша, я понимаю, что беззастенчиво эксплуатирую тебя, но не могла бы ты принести мне воды?

– Без проблем. Только скажи, куда идти, а то в твоих хоромах немудрено заблудиться без компаса.

– Вон туда, – Алиса вяло махнула рукой в сторону левой двери.

Агния шагнула в эту дверь. На пороге она на мгновение задержалась – ей показалось, что из-за двери тянет холодом. Она преодолела непонятное внутреннее сопротивление и сделала еще один шаг вперед.

За дверью находилась огромная, светлая, роскошно оборудованная кухня.

Но Агния не смотрела ни на роскошные черные шкафы, ни на сверкающую бытовую технику. Она застыла на пороге кухни как громом пораженная.

Потому что прямо перед ней на полу лежал мертвый человек.

Агния попятилась и закрыла глаза. Она попыталась уверить себя, что труп на полу ей просто померещился. Вот сейчас она досчитает до пяти, откроет глаза – и не будет никакого трупа...

Досчитала. Открыла. Труп никуда не делся.

Он лежал на узорном кафеле, и вокруг его головы растеклась лужа чего-то темно-красного.

Агнии стало совсем худо. Ее охватил ледяной, могильный холод. Холод смерти. Она вспомнила, как два года назад вот так же стояла возле распахнутой двери на пороге комнаты, а на полу перед ней лежал мертвый человек.

Не просто человек – самый близкий, самый дорогой человек в ее жизни. Ее родной дед.

В глазах у Агнии начало темнеть, замелькали цветные пятна, она почувствовала, что еще немного – и потеряет сознание, упадет на пол рядом с этим мертвецом.

Нет, только не это! Она не может позволить себе упасть, не может утратить контроль над собой. Только не сейчас, не сейчас и не здесь, на глазах у Алисы. Она должна взять себя в руки. Если ей стало так худо при виде этого незнакомого мертвеца – каково будет Алисе увидеть мертвым собственного мужа?

А что на полу перед ней – муж Алисы, Агния не сомневалась. Больше здесь просто некому быть...

Она сделала еще один шаг вперед, наклонилась, чтобы проверить пульс лежащего на полу человека, но, едва дотронувшись до него, поняла, что искать пульс бессмысленно, он был мертв, давно уже мертв и успел даже остыть.

Тут за своей спиной Агния услышала тихий стон.

Она обернулась и увидела в дверях кухни Алису. Та и до того была бледной, но теперь у нее в лице вовсе не было ни кровинки, она стала бледнее полотна. Огромные как блюдца глаза были прикованы к мертвому человеку на полу.

– Э... Эдик... – пролепетала она, попятилась, отступив к самой стене, и начала медленно сползать по ней на пол.

Агния, которая и сама была не в лучшей форме, встряхнулась, взяла себя в руки, подскочила к подруге и схватила ее за плечи:

– Эй, Алиска, не падай! Держись!

Но Алиса уже сползла на пол, глаза ее закатились под лоб, потом веки опустились.

– Да чтоб тебя... – в сердцах пробормотала Агния, встряхнула Алису и пару раз ударила ее по щекам. Голова ее перекатилась со стороны на сторону, но глаза все же открылись. Взгляд был еще бессмысленным, но глаза все же смотрели вперед, на Агнию.

– Что... что случилось? – пролепетала Алиса слабым голосом. – Где я?

– У себя на кухне, – ответила Агния и попыталась поднять Алису с пола, – а насчет того, что случилось... ты обещаешь больше не падать в обморок? Обещаешь не отключаться?

– О... обещаю... – едва слышно проговорила Алиса. – А где... где Эдик?

– В том-то и дело... – Агния опасливо следила за лицом подруги. – Тебе правда лучше? Ты держишь себя в руках?

– Да, да... ну, скажи наконец, что случилось? И что ты от меня загаживаешь?

– Дело в том, что твой муж, похоже, умер.

– Что? – Алиса вытаращила глаза на Агнию. – А я думала, что это мне померещилось... так это правда? Это он там лежит?

– Ну, вообще-то тебе лучше знать. Я твоего мужа до сего дня ни разу не видела, так что не могу сказать, он это или не он. Тебе лучше самой посмотреть, убедиться... если ты обещаешь больше не падать в обморок. Обещаешь?

– Обещаю! – Алиса кивнула и заглянула через плечо подруги.

Она снова охнула и вцепилась в плечо Агнии, так что та чуть не вскрикнула от боли.

– Да, это он, это Эдик! – прошептала Алиса. – Господи, я никак не могу в это поверить... он был такой здоровый, такой... крепкий... что с ним могло случиться?

– Похоже, ему помогли умереть. Видишь – кровь на полу? И потом, ты помнишь, дверь была не заперта... так что это не инфаркт и не инсульт, мне кажется, его убили...

Алиса только нечленораздельно бормотала, не сводя глаз с мертвого мужа. Ее била крупная дрожь. Наконец она бросила на Агнию страдальческий взгляд и едва слышно проговорила:

– Здесь так холодно...

Агния осознала, что на кухне действительно очень холодно. Гораздо холоднее, чем в прихожей. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но это не помогло.

– Кажется, это кондиционер... – Алиса шагнула в сторону, взяла со стола пульт дистанционного управления, нажала на нем несколько кнопок. Сверху потянуло теплым ветерком.

– Вот так-то лучше... – пробормотала Алиса и тут же повернулась к Агнии, схватила ее за руки: – Что делать? Что делать? Я просто не представляю...

– Во-первых, нужно вызвать полицию.

– Ах, ну да, конечно... – Алиса закусила губу, затравленно взглянула на Агнию. – Я совсем ничего не понимаю и не умею... Эдик все делал сам, мне ни о чем не приходилось самой заботиться...

Агния вспомнила, как подруга жаловалась на мужа в ресторане, вспомнила синяки на ее руках... да, у всякой медали есть две стороны, за все приходится платить, но в чем она была совершенно уверена – это в том, что ни за что не хотела бы поменяться местами с Алисой. Даже если бы ее муж был жив...

Она решила обдумать все это на досуге, а сейчас сделать действительно необходимое – вызвать полицию.

– Приезжайте по адресу... – она назвала адрес, справившись предварительно у Алисы, – тут уб... человек мертвый.

– Уверены? – спросил дежурный. – Может, он по пьяному делу в отключке?

– Ты на адрес-то посмотри внимательно! – рассердилась Агния. – Много в этом доме людей, которые по пьяному делу в полной отключке находятся?

– Все бывает, – философски заметил дежурный, – однако ваша правда, нас по такому делу сюда не вызывают, сами справляются.

В ожидании полиции Агния машинально оглядела кухню. Здесь, в общем-то, был порядок, только на столе стояли две пустые грязные тарелки и рядом с ними – несколько тоже пустых пластиковых контейнеров. Алиса, перехватив ее взгляд, потянулась к этим контейнерам, чтобы выбросить их в мусоропровод, но Агния остановила ее:

– Ничего не трогай, до полиции все должно оставаться как было.

– Ах да, я забыла...

– Лучше нам выйти... – Агния взяла подругу за локоть и подтолкнула к двери.

В прихожей Алиса заломила руки и принялась ходить, что-то бормоча себе под нос.

– Тебе бы лучше прилечь... – неуверенно сказала Агния, – или, по крайней мере, причешись, приведи себя в порядок, тушь вон вытри, а то размазалось все...

Алиса скрылась в ванной, Агния же прошла по квартире. В спальне, в гостиной все было так же пышно и безвкусно.

«Странное дело, Алиска же все-таки на искусствоведческом училась, неужели не могла обставить квартиру прилично?»

Тут Агния осознала, что эта мысль в данный момент очень несвоевременна, и устыдилась.

Через десять минут в дверь квартиры позвонили.

На пороге возник крепкий коренастый мужчина лет тридцати пяти, начинающий лысеть, чисто выбритый и скромно, но аккуратно одетый. За его спиной топтались еще два человека с чемоданчиками.

– Капитан Перченоч, – проговорил машинально лысеющий человек, и вдруг в его глазах проступило удивление: – Как? Это вы?

– А это – вы? – в тон ему проговорила Агния, и, несмотря на серьезность и даже трагизм положения, губы ее тронула чуть заметная улыбка.

С капитаном полиции Перченочом она не так давно и очень часто встречалась во время расследования событий, связанных со старинным кубком, купленным на аукционе в Венеции<sup>6</sup>.

Вот интересно, вроде бы у капитана даже роман завязался с ее подругой Анькой.

Ну не то чтобы роман, а так, отношения. Анька ведь ни за что не скажет, как там у них. И тогда, по окончании дела, они все втроем посидели даже в кафе и, кажется, перешли на «ты».

То есть те двое-то точно. А теперь вот этот самый Перченоч смотрит официально и делает вид, будто впервые Агнию видит. Что ж, раз он так хочет, пускай так и будет.

– Вы как здесь оказались? – проговорил капитан, заметно смутившись. – Это же не ваша квартира?

– А вы как? – ответила Агния вопросом на вопрос. – Это же не ваш район! Или вы скажете, что здесь вы задаете вопросы?

– Ну, зачем же так... мне скрывать нечего, меня сюда перевели по служебной надобности. А вот вы все же как здесь оказались? – Капитан, похоже, пришел в себя и успокоился.

– Это – квартира моей подруги... ну, не совсем подруги, но старинной знакомой. И я вообще-то нашла труп.

– Ну, тогда показывайте. – Капитан Перченоч спохватился и повернулся к людям с чемоданчиками: – Заходите, ребята! Это наши эксперты-криминалисты, – пояснил он Агнии.

Все вместе они зашли на кухню.

Алиса с потерянным видом сидела на стуле рядом с трупом мужа. Она, кажется, даже не заметила вошедших. И когда только успела проскочить из ванной, удивилась Агния мимоходом.

– Это кто – хозяйка? – вполголоса уточнил капитан у Агнии. – Жена потерпевшего?

– Да, это она, Алиса.

Капитан моргнул одному из экспертов, и тот поднес к носу Алисы какой-то пузырек. Алиса вздрогнула, глаза ее стали осмысленными, и она удивленно оглядела вошедших:

– Вы кто?

– Капитан полиции Перченоч. А вы...

– Алиса Канарская...

– Жена потерпевшего, как я понимаю?

– Да, его жена... – слабым голосом проговорила Алиса.

– Я понимаю, что вам сейчас нелегко, но все же мне придется задать вам несколько вопросов. Такая уж у меня работа...

– Спрашивайте!.. – Алиса пожала плечами.

Капитан легонько взял ее за плечи и вывел в гостиную, чтобы не мешать экспертам работать. Алиса шла за ним, как сомнамбула, не сопротивляясь.

– Ваша подруга сказала мне, что вы пришли вместе с ней, и это она нашла тело потерпевшего. Это так? – спросил капитан, усадив Алису на диван. Агния примостилась в уголке на стуле.

– Да, так...

– А где вы были до того?

---

<sup>6</sup> См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

– Мы с ней... с Агнией... сидели в ресторане...

Капитан повернулся к Агнии, вопросительно взглянул на нее:

– Вы это подтверждаете?

– Да, подтверждаю.

Капитан что-то записал у себя в блокноте, потом вышел к экспертам, которые возились с трупом:

– Ну как, что-нибудь выяснили? – услышала Агния. – Есть какие-то результаты?

– Пока – только предварительно, – ответил один из них. – Смерть наступила от огнестрельного ранения в грудь, должно быть, задето сердце, но точно можно будет сказать только после вскрытия. Судя по температуре тела, смерть наступила приблизительно около трех часов тому назад, но опять же – точнее можно будет сказать после вскрытия. Пока больше ничего...

– Ну и на том спасибо!

Капитан заглянул в гостиную и осведомился:

– Сколько времени вы провели в ресторане?

– Я... я не смотрела на часы, но думаю, около часа... – проямлила Алиса.

– Да, примерно час, – подтвердила Агния, – как раз я смотрела на часы, потому что мне нужно было еще кое-что сегодня сделать.

У нее мелькнула какая-то мысль, показавшаяся ей важной, но общая нервная обстановка и перенесенный шок задвинули эту мысль в глубину подсознания.

– Хорошо, – капитан опять что-то записал в блокноте и обратился теперь только к Алисе:

– А где вы были до ресторана? Дома?

– Нет, – быстро возразила Алиса. – До ресторана я была в салоне красоты. Салон «Навсикая», это на Караванной улице... можете проверить...

– Непременно проверим, – капитан снова что-то черкнул в своем блокноте.

Агния мимолетно подумала, что, когда Алиса появилась в ресторане, не было похоже, что она только что вышла от парикмахера. Алиса словно прочла ее мысль и смущенно добавила:

– Я делала там педикюр.

– И сколько времени вы там провели?

– Примерно два часа...

– Хорошо, мы это тоже проверим.

Капитан шагнул ближе и проговорил:

– Я видел на кухне две тарелки. Ваш муж с кем-то обедал?

– Со мной, – тут же ответила Алиса. – Мы заказали суши на дом, там и контейнеры от них остались.

– Ага! – Капитан переглянулся с появившимся в дверях экспертом. – Это может нам помочь... а когда вам принесли суши, вы не помните?

– За полчаса до того, как я ушла. Примерно часов в двенадцать... – проговорила Алиса, что-то про себя прикинув.

– Ага, примерно в двенадцать... ну, мы это запросто уточним, это не проблема. У вас ведь остался телефон фирмы, которая доставляла вам заказ?

– Ну да, он где-то там должен быть... в ящике стола... – И эксперт тут же принес в гостиную рекламный проспект с телефонами. – Вот это... фирма «Такеша», круглосуточная доставка блюд японской кухни.

– Очень хорошо! – капитан спрятал проспект в свой портфель и снова повернулся к экспертам: – Ну как, вы уже закончили с потерпевшим?

– Ну да, само собой, предварительно, но его уже можно увозить.

Капитан куда-то позвонил, скоро пришли двое мрачных молчаливых людей в голубой униформе, положили труп на носилки и унесли его из квартиры.

Эксперты еще несколько минут возились на кухне, что-то фотографировали, что-то посыпали черным порошком, обмахивали кисточками, обмениваясь какими-то непонятными непосвященным фразами, наконец и они ушли. Капитан Перченоч задержался на пороге и со значением сказал подругам:

– Ну, я с вами прощаюсь ненадолго. В ближайшие дни вас вызовут для официальной дачи показаний. Думаю, вы понимаете, что вам никуда не нужно уезжать.

Дверь за капитаном закрылась.

Подруги остались в квартире одни. Все это время Агния сидела в задумчивости, не слишком внимательно слушая капитана. Она пыталась поймать какую-то важную мысль, но мысль эта никак не давалась, ускользала от нее. Агния морщила лоб и даже тихонько трясла головой, но ничего не помогало.

– Что делать, что делать? – снова затынула свое Алиса.

– Может быть, вызвать к тебе врача? – предложила Агния. – У тебя ведь наверняка есть свой врач?

– Зачем? – переспросила Алиса убитым голосом. – Чем мне поможет врач? Он ведь не сможет воскресить Эдика?

Агния хотела напомнить подруге, как совсем недавно та жаловалась на мужа, но решила, что сейчас – не самый подходящий момент. Вместо этого она предложила:

– Хочешь, я останусь сегодня у тебя? Могу даже переночевать, чтобы тебе было не так одиноко. Ты ведь знаешь, меня никто не ждет, семеро по лавкам не сидят...

– Нет-нет, не нужно! – быстро ответила Алиса, и Агнии показалось на какой-то момент, что в ее голосе прозвучал испуг. – Не нужно, я прекрасно управлюсь одна! А ты поезжай уже домой, или куда там тебе нужно, у тебя наверняка много дел!

При этом Агнии показалось, что подруга незаметно взглянула на часы.

– Да у меня нет ничего срочного... – попыталась она возразить, но тут поняла, что Алиса ее попросту выпроваживает.

«Ну и ладно, – подумала она, направляясь к двери. – Было бы предложено... в конце концов, у меня действительно своя жизнь и много дел, так что набиваться я не буду...»

Она простилась с Алисой, взяла с той слово, что она позвонит, если ей понадобится какая-то помощь, и вышла из квартиры.

Капитан Перченоч спустился в подвальный этаж, толкнул тяжелую дверь и поежился: за этой дверью было холодно, неуютно и пахло удивительно неприятной смесью каких-то химических реактивов и еще чего-то тошнотворно-сладковатого. Капитан думал, что именно так пахнет смерть.

Правда, к этим крайне неприятным запахам примешивался еще один, менее злоедей – запах крепкого табака.

Короче говоря, за этой дверью располагался отдел медицинской экспертизы, где царил старший судебно-медицинский эксперт Варвара Михайловна Голубец.

Варвара Михайловна была крепкая, энергичная женщина лет пятидесяти, с громким хриловатым голосом и грубыми замашками человека, который знает смерть не понаслышке. Всю жизнь она курила крепкие сигареты, точнее, папиросы отечественного производства, предпочитая легендарный «Беломор». Даже сейчас она где-то доставала эти папиросы и курила их, не переставая.

Начальник отделения, который всеми силами боролся с курением среди сотрудников, особенно на рабочем месте, пытался всеми доступными способами воздействовать на Варвару Михайловну, но та оказалась непоколебима и пригрозила уволиться, если ей не позволят курить за работой.

– Да ты представь, Петрович, – говорила она, фамильярно обращаясь к начальнику, – мне же весь день приходится жмуриков кромсать, как же это выдержать без «Беломора»?

Начальник вздохнул и отступился.

Итак, капитан Перченок вошел в царство мертвых, в царство Варвары Михайловны. Сама Варвара стояла возле металлического стола, на котором лежал покойник, с дымящейся папиросой в зубах и что-то с интересом разглядывала. Чуть в сторонке отирался молодой парень в белом халате – недавно присланный практикант. Лицо его было бледнее халата, в глазах стоял настоящий ужас.

– Здравс-сте, Варвара Михайловна! – проговорил Перченок с боязливым уважением.

– Здравствуй, Петя! – отозвалась Варвара, передвинув папиросу в угол рта. – С чем пришел?

– Да вот, хотел узнать, нет ли каких подвижек с трупом Канарского. Мне бы время смерти уточнить...

– Ты же знаешь, Петя, – Варвара Михайловна укоризненно взглянула на капитана, – экспертиза – вещь долгая, обстоятельная, тут торопиться нельзя, ни к чему хорошему это не приведет. Результаты будут готовы только завтра к вечеру. Как только я подготовлю отчет – ты первый сможешь с ним ознакомиться...

– Но Варвара Михайловна, – взмолился Перченок, – нельзя ли пораньше? Я ведь вас знаю, вы – специалист экстра-класса, вы уже наверняка какие-то выводы сделали! Ну, правда же?

– Ох, Петя! – Варвара покачала головой. – Ты же знаешь, что на меня лесть не действует! Есть же порядок... я и так все другие дела отложила, занимаюсь только твоим Канарским... вон, несчастного практиканта загоняла...

– Но Варвара Михайловна, поделитесь хоть предварительными соображениями! Мне очень нужно знать точное время смерти, чтобы определиться с подозреваемыми!

– Ну что с тобой поделаешь... – вздохнула Варвара. – Ладно, так и быть, поделюсь... – она докурила папиросу, бросила окурочек в консервную банку, заменявшую ей пепельницу, закурила новую «Беломорину» и только тогда продолжила: – Тут, Петя, понимаешь, какое дело... для определения времени смерти есть два критерия – степень трупного окоченения и состояние желудка. Степень трупного окоченения – вещь тонкая и ненадежная, зависит от многих факторов, в основном – от температуры окружающей среды... Ну, ты это и сам знаешь. Судя по этому критерию, смерть твоего Канарского наступила в промежутке от тринадцати до четырнадцати часов, но, конечно, могут быть и отклонения, так что бери шире – от двенадцати до четырнадцати...

– Слишком большой разброс... – вздохнул капитан. – Выходит, никого нельзя исключить...

– Ты подожди, Петя, я же еще не закончила. Что ты меня перебиваешь? Я сказала, что существуют два критерия – степень трупного окоченения и состояние желудка. И вот с этим вторым критерием все намного лучше. Вот, посмотри сюда, – Варвара наклонилась над располованным телом. – Видишь?

Перченок, с трудом преодолевая дурноту, взглянул, увидел что-то розовато-коричневое, но почувствовал, что сейчас его вывернет, и поспешно отстранился, сделал пару глубоких вдохов. Варвара заметила это, чуть заметно усмехнулась и проговорила:

– Какие же вы все, мужчины, неженки! Вот и практиканта мне прислали – просто кисейная барышня! Двенадцатиперстную кишку увидел – так чуть в обморок не упал! Нет, если ты хочешь работать в полиции – ты не должен бояться трупов!

– Я и не боюсь трупов! – с обидой в голосе возразил капитан. – Я в своей жизни всяких трупов навидался – и с огнестрелом, и с резаными ранами, и даже утопленников... но только

одно дело – труп, а другое – вот это... потом, Варвара Михайловна, я пообедал недавно, обидно будет, если обед пропадет...

– Ну, неважно, – смиловилась Варвара, – короче, я тебе хочу сказать, что твой Канарский незадолго до смерти ел сырую рыбу с рисом и приправами...

– Точно, жена сказала, что они заказывали на дом суши.

– Да, похоже, что это – именно суши. Так вот, по состоянию этих продуктов можно уверенно сказать, что Канарский был убит через час после еды...

– Ага, по словам жены, суши принесли в двенадцать, пока они поели – это где-то полчаса, значит, время смерти – приблизительно половина второго... но, конечно, надо еще проверить слова жены...

– Проверь, Петя, проверь, это твоя работа, а я, если ты не возражаешь, продолжу свою.

– Спасибо вам, Варвара Михайловна! – спохватился Перченоч уже в дверях. – Большое спасибо! Вы меня очень выручили!

– Всегда пожалуйста, – отозвалась Варвара и снова склонилась над трупом Канарского.

Перченоч вылетел из прозекторской, захлопнул за собой дверь и с облегчением отдышался.

Воздух за дверью тоже был не самый свежий – затхлый, пропахший слежавшейся пылью и старыми бумагами, но он хотя бы не пах смертью и разложением.

После разговора с Варварой Михайловной капитан почувствовал насущную необходимость посетить фирму «Такеш», специализирующуюся на доставке блюд японской кухни.

Эта фирма располагалась в первом этаже типового многоэтажного дома. Большую часть помещения занимала кухня, где готовили суши, сашими, салаты, роллы и прочие восточные деликатесы. Небольшую, отделенную от кухни коротким коридором комнату занимало офисное помещение.

Капитан вошел в офис и огляделся.

Здесь не было ничего, что говорило бы о связях со Страной восходящего солнца – обычный офис с типовой оргтехникой. За столом с компьютером сидел молодой мужчина вполне европейского вида, в уголке примостилась девушка, тоже без восточных корней. Рядом с ней стоял, неловко переминаясь, совсем молоденький парень в кепке с логотипом фирмы.

– Это фирма «Такеш», доставка блюд японской кухни на дом? – осведомился капитан, оглядевшись.

– Заказы принимаем только по телефону или через Интернет! – сообщил ему молодой человек, оторвавшись от монитора.

– Мне не заказ...

– Претензии – на Московском проспекте, в центральном офисе, к Веронике Макаровне!

– И не претензии!

– Тогда что же вам нужно?

– Капитан Перченоч, полиция Центрального района! – Капитан раскрыл перед служащим свое удостоверение.

– Это вы опять насчет того отравления? – расстроился парень. – Ну сколько можно! Вы же уже выяснили, что там были не наши продукты... мы же все доказали...

– Нет, у меня к вам только несколько вопросов! Это ведь вы доставляли суши позавчера на Малую Конюшенную?

– Одну минуточку... – служащий уставился на экран, защелкал клавишами. – Да, был такой заказ... «Филадельфия», острый ролл с лососем и гребешком, острый ролл с угрем...

– Очень хорошо, – оживился капитан. – Но меня в основном интересует время доставки.

– Заказ был сделан по телефону в одиннадцать тридцать пять, а у нас такое правило – доставка в течение тридцати минут, если мы опаздываем с доставкой на пять минут – клиент

платит только половину, а если на десять – весь заказ бесплатный... тут поступила полная стоимость, значит, мы доставили заказ вовремя...

– А все же нельзя уточнить, в какое точно время?

– Попробую... – проговорил служащий, но тут подал голос парень в фирменной кепке:

– Можешь не искать, Игорь! Это я доставлял заказ на Конюшенную! И я его доставил в двенадцать ноль одну, очень хорошо помню! Мне клиентка на чай прилично дала...

– Ага, значит, это вы были на Конюшенной! – Капитан повернулся к курьеру. – Говорите, заказ у вас приняла женщина?

– Да, – радостно кивнул парень. – И такая крутая тел... женщина! Но там вообще дом суперский!

– Ага, а вы не заметили – кроме нее, кто-то был дома?

– Был, – уверенно ответил курьер. – Муж был дома, или там, не знаю, в общем, мужчина.

– Точно? – на всякий случай переспросил капитан. – Вы его видели?

– Слышал я его, – курьер на секунду задумался. – Он в ванной был.

– Точно?

– Куда уж точнее! – Курьер пожал плечами. – Ну, ясно же! В ванной вода лилась, и вроде напевал кто-то, и женщина эта, клиентка, ему в дверь постучала и говорит: – Давай скорее, милый, твои суши уже доставили! А он ей отвечает что-то – мол, сейчас иду, неразборчиво, правда. Да там вода лилась, так что плохо слышно было. Да мне и ни к чему, мое какое дело...

– А потом что было?

– Да что было, – парень перевел глаза на капитана, – расписалась она у меня в квитанции, чаевые дала хорошие, я и пошел. Базарить мне с ней некогда, у меня заказов – выше крыши.

– Стала бы она с тобой базарить – кто ты и кто она, – ехидно сказала девушка, оторвавшись от компьютера.

– А вот и не скажи, – возразил парень серьезно, – она не такая совсем, как эти, богатенькие. Не хамила, слова через губу не цедила, пошутила со мной даже – что-то на тему, что я в такой фирме работаю, наверно, много рыбы ем, потому такой умный.

– Уж это точно, что пошутила, – вздохнул Игорь, переглянувшись с девицей.

– Ну ладно, спасибо за помощь, – и капитан Перченоч удалился. У него тоже было сегодня еще множество неотложных дел, в частности, скоро придет на допрос Агния Иволгина.

Вот еще задача. Как-то он растерялся, увидев ее в квартире, где случилось убийство, взял неправильный тон. Ведь вроде знакомы они по прошлому делу, опять же с Анной они подруги.

Вспомнив про Аню, капитан Перченоч помрачнел. Ух, как она ему нравилась! Но с этой девушкой все было очень непросто. Была в ней какая-то тайна, уж это он, Перченоч, чувствовал наверняка. Не полный чурбан. Ускользала от него Аня, держала на расстоянии. Ничего про себя не рассказывала. А сейчас и вовсе куда-то пропала. Сказала – еду по делу, и не спрашивай, куда и зачем. Так уж у нас с тобой будет. Я в твои секретные дела не лезу, а ты меня не допрашивай, не на службе находишься. Сказала – как отрезала.

И вот сиди теперь, гадай, где она, чем занимается. Смог он только выяснить, что Анна Углова когда-то большие успехи делала в спорте, занималась спортивными единоборствами, в частности израильской борьбой крав-мага. А несколько лет назад все у нее рухнуло. С тех пор жила Анна тихо, незаметно, никто про нее ничего не знал. Так вот, может, Агния этот вопрос прояснит? Как раз случай представился, вроде как не по его инициативе они встретились. Нужно с ней поговорить по-хорошему. Нехорошо, конечно, служебное положение в личных целях использовать, но он за Анну волнуется, не влипла бы в криминал какой...

Агния вошла в кабинет.

В первый момент ей показалось, что кабинет пуст. Она взглянула на повестку и убедилась, что пришла вовремя.

«Вот ведь несурзанный человек, – подумала она недовольно, – вызвал, а самого нет на месте...»

В это время из-за заваленного бумагами письменного стола донесся шорох, и над столом показалась взъерошенная голова капитана Перченка. Увидев девушку, он залился краской.

– Здрас-сте, Агния! – проговорил он смущенно. – А я тут бумагу одну уронил...

– Немудрено, – фыркнула Агния. – Вам бы не мешало порядок на столе навести. Ох, извините... здравствуйте, Петр... не помню вашего отчества...

– И не надо, – Перченоч замахал руками. – Присаживайтесь, Агния.

– Вы меня вызвали на допрос, – проговорила Агния, садясь напротив капитана. – Но я ничего...

– Не на допрос, – капитан поморщился, – я пригласил вас для разговора...

– Повесткой? – усмехнулась Агния. – На разговор повесткой не вызывают!

– Да, понимаю... – мялся капитан. – Но вы – женщина занятая, так не нашли бы времени, а повестка – вещь официальная, в конце концов, можете ее своему начальству предъявить...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.